

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

Коко
Шанель

Коко Шанель
Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой
Серия «Уникальная автобиография женщины-эпохи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8332474
Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой.: Яуза; Москва; 2013
ISBN 978-5-9955-0355-2

Аннотация

Эта сенсационная книга впервые проливает свет на самые тайные страницы биографии Коко Шанель. Это не просто мемуары, а предельно откровенная исповедь величайшей женщины XX века. История Шанель, рассказанная ею самой.

«Герцогинь много, а Шанель одна», – ответила она на предложение руки и сердца от герцога Вестминстерского, самого богатого человека в Европе. Она никогда не лезла за словом в карман, не подчинялась правилам и жила «против течения». Настоящая self-made woman, она сделала не только себя, но перекроила по собственным лекалам весь мир – не просто моду, а стиль жизни! Короткая юбка до колен – Шанель. Брючный костюм для дам – Шанель. «Маленькое черное платье» – Шанель. Небольшие шляпки вместо огромных сооружений с широченными полями – Шанель. Бижутерия – Шанель. Изящный аромат вместо удушающего запаха целой цветочной клумбы – Шанель. Именно Великая Мадемуазель подарила женщине право быть естественной, стильной, желанной, женственной – самой собой...

Содержание

Шанель № 1	4
Обазин	6
Мулен. Свобода! Свобода?	13
Этьен Бальсан	26
Бой Кейпел	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой

Шанель № 1

Герцогинь много, а Шанель одна! – Такого ответа на предложение стать его супругой герцог Вестминстерский от меня явно не ожидал.

У него было все, и даже больше. Герцог и сам не ведал, сколько стоят его яхты, дворцы, замки, оранжереи, охотничьи угодья, лошади, бриллианты... Он не был снобом – обожал

удобную одежду, плевал на множество правил и запретов и носил страшно стоптанные туфли, потому что ими не натрешь ноги. У нас нашлось много общего, даже прозвища: у меня Коко из-за песенки про петуха, у него Вендор по кличке любимой кобылы деда. А еще герцог дружил с Уинстоном Черчиллем, которого «странности» Вендора не шокировали и который звал его запросто: «Бенни».

Безумно богатый, прекрасный любовник и интересный человек, не испугавшийся моего происхождения, готов сделать меня, вчерашнюю швею, пусть и заработавшую целое состояние (но ведь заработавшую, а не получившую по наследству), герцогиней.

И вдруг отказ...

Когда-то первый герцог Вестминстерский, дед моего Вендора, в ответ на предложение американского миллиардера продать знаменитую лошадь, в честь которой назван внук, заявил:

– Всех денег Америки не хватит, чтобы купить это сокровище.

Я могла бы ответить похоже:

– Всех денег мира не хватит, чтобы купить Коко Шанель.

Оставить свое дело ради призрачного счастья зваться герцогиней?

Мне всегда приходилось выбирать между мужчинами и моей работой.

И я всегда выбирала работу, потому что без нее я просто Габриэль, а с ней – КОКО ШАНЕЛЬ, единственная и неповторимая.

Обазин

Детские обиды самые сильные и помнятся дольше других, потому что дети обижаются сердцем, а взрослые разумом. Разум способен победить обиду, сердце – нет, на нем остаются шрамы, которые не расправишь, как складки на ткани.

Наверное, надо по порядку? Попробую...

Из детства я хорошо помню отца и плохо мать. Не помню или не хочу помнить? Скорее второе.

Она часто кашляла и задыхалась. Позже мне стало казаться, что это была чахотка, наверняка это была чахотка. Мать – это бедность, страдания и ожидание. «Вот вернется отец...» Из ее рассказов получалось, что отец вернется из своих бесконечных вояжей по ярмаркам, и мы все уедем в какую-то лучшую жизнь, где нет холода, где всегда светло, тепло и сытно. А еще весело. Отец ассоциировался с этой жизнью и с надеждой.

Постепенно мне стало казаться, что именно мать виновата, что он не живет с нами, как другие отцы. Наверное, ему надоели болезни и нытье жены.

Однажды я поинтересовалась, почему же папа не забирает и нас в это прекрасное далёко? Может, у него там другая семья? Мать рассердилась и стала уезжать тоже. Она ездила за мужем следом и рожала детей. А потом умерла.

Пятерых детей надо куда-то девать, ведь отец так и не нашел благословенных земель. Однако родственники от нас отказались, у них не было возможности приютить сирот.

Сирота. Ненавижу это слово! Сирота – это когда ты никому не нужна, причем любой может ткнуть в тебя пальцем и объявить об этом во всеуслышание. Вы хотели бы вспоминать такое детство?

Казалось, мы с сестрами достаточно взрослые, чтобы искать эту самую красивую жизнь вместе с отцом, ведь колесила же с ним по дорогам мать. Но он считал иначе и отвез нас в приют в Обазине. «Я вернусь, я обязательно приеду за вами...»

– Когда найдешь красивую жизнь?

– Да, обязательно.

Я смотрела вслед отцу и понимала, что не вернется, что сиротство навсегда. Но разве можно поверить в ненужность, когда тебе двенадцатый год? На сердце уже был шрам, но оно еще предпочитало надеяться. Он так же обещал матери, и она так же ждала.

Я тоже ждала вопреки всему: здравому смыслу, оскорблениям, проходящим годам. До сих пор жду, вдруг он все же вернется?

Обазин... Обазин... Обазин...

Дался им этот Обазин! Ездят, копают, вынюхивают... Словно в моей жизни ничего более значительного и интересного, чем монастырский приют, не было.

Мне самой иногда кажется, что я родилась ПОСЛЕ Обазина. Какая разница, в каком возрасте меня туда определили и в каком выпустили?

– Я не нищая!

– А кто же ты, если за тебя не платят? Вы с сестрами самые что ни на есть нищие сироты.

– Неправда! Наш отец просто уехал!

– Куда?

– В... в Америку! Вот он вернется и заберет нас туда!

Я слышала разговоры о том, что в Америке люди живут очень богато, и тогда думала, что это где-то около Парижа просто потому, что Париж для всех был чем-то совершенно роскошным.

– Он прислал мне платье для первого причастия!

Отец и правда прислал белое платье с оборками, кружевами, пояском, на котором висела сумочка, и, наконец, венком из искусственных розочек. Мне казалось, что ничего красивей быть просто не может, потому что платье выбрал отец! Позже поняла, что оно удивительно безвкусное именно из-за обилия отделки, аляповатой и дешевой. Но тогда оборки выглядели верхом совершенства, ведь это подарок отца, отец не забыл, значит, он вернется!

Я не могла написать слов благодарности, потому что у отца не имелось постоянного адреса, но сколько раз мысленно сочиняла письма! Рассказывала ему обо всем, о том, что была самой красивой во время первого причастия, ведь остальные девочки надели чепчики, а у меня на голове венок. Это очень важно, вынужденная носить одинаковое со всеми, но куда более потрепанное форменное платье, я мечтала хоть чем-то отличаться.

Что я часто мою голову желтым мылом, помня, как он не любит запаха грязных волос, что я вообще моюсь при любой возможности. «Папа, от меня пахнет только чистотой!» Запах чистоты навсегда остался для меня самым желанным и важным.

Но главное, я рассказывала, как жду его и обязательно дождусь. Обязательно!

Как заклинание:

– Только вернись, только не обмани.

Я жаловалась, но не на обиды от девочек из состоятельных семей, дразнивших нас нищими сиротами, а на то, что мне не всегда удается хорошо выполнить работу, порученную сестрами обители, не хватает усидчивости и терпения. «Но я справлюсь, верь, папа, я справлюсь».

Казалось, стоит только мне стать самой старательной, самой искусной, самой усидчивой, и отец обязательно придет. Конечно, он издалека почувствует, что монахиням есть за что похвалить его девочку, сказать, что у нее золотые руки, что она умница. Ему будет приятно слышать такое.

Только о покорности и готовности подчиняться правилам мыслей не было. Но я нутром чувствовала, что отец этого от меня не потребовал бы, он сам не подчинялся.

У меня красивый отец, очень красивый, все, что есть хорошего в моей внешности, – от него. Да, конечно, мои ровные белые зубы точно такие же, он всегда улыбался белозубой ровной улыбкой. И волосы густые тоже в него, и цвет глаз с искорками. А еще гордость, он никогда не плакал и нам не позволял.

– Эй, только не реветь! Гордые люди не плачут.

Я была гордой, стала усидчивой и искусной, меня было за что хвалить (кроме разве нежелания подчиняться общим правилам).

Я стала... Но отец не вернулся. Ни тогда, ни позже.

Но я все равно ждала его и любила.

В Обазине была лестница. Каменная, без перил, то есть с одной стороны она прилегала к стене, а другая словно повисала над пропастью. Причем получалось так, что спускаться можно безопасно вдоль стены, а подниматься приходилось осторожно. Обычно мы так и ходили: быстрее вниз и медленно вверх. Почему-то мне это казалось несправедливым, и когда никто не видел, я взлетала по лестнице наверх через ступеньку.

Однажды беготно случайно увидела противная Луиза из тех, за которых платили, потому что они были «из хороших семей». Я поняла, что она обязательно донесет настоятельнице, а потому пообещала:

– Скажешь кому хоть слово, я тебе... брови выщиплю!

Угроза глупая, потому что брови выщипывали многие, конечно, не воспитанницы приюта. Но я точно знала, что это больно, потому что пыталась сузить свои излишне густые черные брови. Почему-то Луиза испугалась угрозы (может, тоже пробовала выщипывать?), она прошипела:

– По тебе исправительный дом плачет.

– Ага, – согласилась я, прыгая через ступеньку.

Пусть жалуется!

Не донесла, испугалась за свои белесые полосочки над глазами.

Потом на своей вилле «Ла Пауза» я сделала такую же лестницу, нарочно отправив архитектора в Обазин, чтобы скопировал. У меня она называлась «Лестница монашек». И никто не мог понять, откуда столь странная прихоть. А это было всего лишь воспоминание о строгом детстве в обители.

На каникулы нас увозили к тете Луизе в Варенн, не потому что хотели видеть, а просто за компанию с ее дочерью Мартой. Сироток не слишком любили родственники, но я все равно ждала эти каникулы, просто на чердаке дома нашлось настоящее сокровище – дешевые слащавые романы. Их когда-то собрали по кусочкам из газет и сшили толстой нитью. Читать приходилось осторожно, пожелтевшие листы легко рвались, но какое я получала удовольствие! В романах совершенно другая жизнь, где героини, даже если оказывались бедны, как монастырские крысы, не ходили в одинаковых платьях и за обедом не брали ложки в руки по команде дежурной сестры, зато переживали неистовые страсти.

Ничто не могло оторвать меня от рассказов о внешности и страданиях романтических героинь, от сопереживания благородным разбойникам, которым непременно надо победить врагов и спасти очаровательную девушку, чтобы потом на ней жениться.

Никто не смог бы убедить меня, что описание накидок, манто или лиловых платьев страстных красавиц, падающих в обморок по любому поводу, но обязательно на руки своих спасителей; мускулистых торсов героев, видных сквозь порванные в жестоких боях рубашки (при этом тела героев оставались без единой царапины, а раны мгновенно превращались в красивые шрамы) и подобной сентиментальной чуши не есть настоящая литература.

Героини с томным вздохом лишались чувств, а открыв глаза, обязательно обнаруживали перед собой красивое, мужественное лицо спасителя и тут же понимали, что это любовь...

Благородные разбойники или бедные красавицы, которых они спасали (а часто и те, и другие), потом оказывались вовсе не бедными, но действительно благородными, из-за козней родственников вынужденные вести разбойную жизнь или с детства скитаться по приютам. Справедливость всегда торжествовала, мерзкие родственники бывали наказаны, а герои и героини возвращались в свои замки и жили с тех пор счастливо, купаясь в роскоши. Надо ли говорить, что такое чтиво к собственным родственникам любви не прибавляло...

Как бы ни было ужасно, но пристрастие к подобному мусору у меня сохранилось навсегда, а вот лиловый цвет я с тех пор ненавижу.

Конечно, встречалось и то, что стоило прочитать, даже обладая не стопками газетных вырезок, а большой библиотекой. Среди романчиков, годных только для растопки камина, нашлись книги Шарлотты Бронте. Сходство с ее героинями для меня было несомненным. «Грозовой перевал» – одна из любимых книг до сих пор, а тогда я ее просто обожала.

Взять романы с собой в монастырь я, конечно, не могла, но за каникулы прочитывала столько, что до следующих едва успевала переварить.

Может, мой отец тоже воюет с врагами, чтобы освободить прекрасную незнакомку? При мысли о незнакомке становилось не по себе. Ради какой-то чужой женщины забыть о дочерях?! Никакая самая замечательная красавица в роскошном наряде такого не стоила! Я стала приглядываться к женщинам: какая из них могла бы заставить отца поступить так, эта? Или вот эта? А может, та в роскошном лиловом платье и шляпе с большущими перьями? Ненавижу яркий розовый цвет!

Мы редко покидали стены обители, так что глазеть приходилось на каникулах. Но и тогда у меня имелось не слишком много возможностей, по Варенну не гуляли незнакомки в немислимых нарядах, и благородные разбойники не водились тоже. Если и были, то совершенно неблагородные, грубые, дурно пахнущие и не в красивых кафтанах с позументом, а в лохмотьях, сквозь которые проглядывали вовсе не мускулистые торсы. А женщины ходили в выцветших от долгой носки шляпках с идиотскими букетами искусственных цветов, тоже блеклых и пыльных.

Только тетя Луиза, которую мы почему-то переименовали в Жюлию, умела переделывать свои шляпки так, чтобы они оказывались ни на чьи не похожи. В Варение подобный поступок выглядел дерзостью, но мы были счастливы, когда и нас привлекали к столь увлекательному занятию.

Творить... Неужели я научилась этому у тетки? Но все равно не любила ее, потому что после каникул приходилось возвращаться в приют, где нас снова звали сиротками!

Зато когда дед решал взять меня в Мулен, восторгом не было предела. Там совершенно другая жизнь, Мулен не Варенн, попить целебной водички летом съезжалось множество желающих, от созерцания которых пойти кругом голова могла у кого угодно, не только у меня. Послушать оркестр, играющий в парке мелодии из модных оперетт, полюбоваться необычными и элегантными нарядами дам, внимать иностранной речи... Когда не понимаешь, о чем говорят красиво одетые люди (тогда я думала, что они одеты красиво), кажется, попала в заколдованный мир.

Моим сестрам это не нужно, ни Жюлия, ни Антуанетта в Мулен не рвались. Но я не переживала, потому что со мной была Адриенна – тетя, младшая дочь моих деда и бабки, моя ровесница, ставшая подругой на всю жизнь. У бабушки с дедом родились девятнадцать детей, почти все они выжили и имели свои семьи, некоторые мотались по свету, как мой отец, но большинство сидели на месте. И ни у кого не нашлось в доме местечка для племянниц, нас брала к себе только Луиза и только на каникулы. Она на девятнадцать лет старше Адриенны, а потому Адриенна вместе со мной звала свою сестру тетей. А меня сестрой. Вот такие дела.

Конечно, нас никто не пускал в центр города, наверное, боялись, чтобы чем-то не соблазнились. Как жили на окраине, так и прогуливались там, но после Обазина и окраина маленького Мулена казалась почти Парижем.

Я пересказывала Адриенне прочитанные на чердаке книги, мы их горячо обсуждали и прикидывали, какая из увиденных женщин годилась бы на роль очередной героини. Это так занимательно...

Адриенна очень красивая, она осталась такой и сейчас. Моя тетя вполне могла бы стать таинственной незнакомкой из романов, но ее одевали немногим лучше нас, дед не слишком стремился тратить деньги на украшение своих женщин, считая, что красоту ни к чему выставлять напоказ, это до хорошего не доведет.

Там же я увидела нечто необычное. У бабушки были роскошные волосы, когда она их распускала, волосы покрывали густой волной всю спину. Дед до старости ревновал жену и терпеть не мог вида распущенных волос, все казалось, что пытается кого-то соблазнить.

Однажды после безобразного выговора (далеко не кроткий нрав у меня от деда, он резок и несдержан на язык) бабушка отрезала свою косу и с тех пор постоянно ходила в чепчике.

Это был протест, бабушка очень обиделась на мужа. Через много лет я поступила так же, только чепчик надевать не стала, правда, очень часто, даже дома ходила в головных уборах. Как бабушка? Неужели мои родственники столь сильно повлияли на мою жизнь, сами того не желая? Глупо, лучше бы влияли в другом.

На вопрос, когда же вернется отец, дедушка только пожимал плечами, а бабушка отводила в сторону глаза. Я понимала, что они знают, где их сын, но предпочитала верить, что не знают. Правильно, что отводили; надеяться, что отец может хоть когда-нибудь вернуться, все же легче, чем точно знать, что тебя бросили.

Но дедушка с бабушкой и сами не сидели на месте, они тоже были рыночными торговцами и разъезжали по ярмаркам. Как при этом бабушка сумела родить и вырастить столько детей, не представляю. Может, потому она презирала мою мать – слабую и никчемную, только и способную виснуть без толку у мужа на шее? Наверное, на мое отношение к памяти матери повлияло отношение бабушки.

Кстати, шляпка на голове дома – хороший способ намекнуть тем, с кем не слишком жаждешь общаться, что тебе некогда. Если в доме появляются нежеланные гости, я начинаю искать перчатки и сумку; выглядит так, словно собираюсь уходить. Друзья знают, что это блеф, но намек понимают все.

Мы с Адриенной стали настоящими сестрами и душевными подругами, пронеся дружбу через всю жизнь. Хотя бывали годы, когда она предпочитала мне своего Мориса де Нексона. Вот до чего доводит любовь к мужчинам! Правда, когда Мориса не стало, Адриенна вернулась ко мне.

Тогда казалось, ничто не сможет разлучить нас. И вдруг...

Красавица Адриенна рыдала, уткнувшись в свою подушку.

– Что случилось? Кто тебя обидел?

Адриенна показала письмо:

– Отец. Смотри, что он пишет...

Я едва ни закричала, на мгновение показалось, что это письмо МОЕГО отца! Но нет, писал дед – отец Адриенны. Сообщал, что ей подыскали жениха, а потому этот год обучения в Обазине последний.

До меня не сразу дошло содержание, главное само письмо. Адриенне писал отец... Как бы я хотела получить хоть коротенькую записочку от своего! О чем угодно, только получить, чтобы знать, что он есть, что он помнит.

Но рыдания бедной Адриенны быстро привели в чувство.

– Почему ты плачешь, не хочешь замуж?

Я точно знала, что Адриенна хочет, она мечтала о хорошей, крепкой семье, детях, добром и обеспеченном муже.

– За Поля не хочу...

– Почему?

– Он старый и... плюгавый. – Несчастливая Адриенна протянула карточку предполагаемого жениха.

Я согласилась с презрительным вердиктом. Конечно, старым Поль мог быть только с нашей точки зрения, но внешностью благородного разбойника жених Адриенны действительно не отличался, скорее наоборот.

– Мне уже сказали, что на следующей неделе нужно уезжать домой, чтобы выйти замуж...

Слезы снова полились ручьем.

- А ты?
- Я согласилась, что я могу?
- То есть тебя прямо отсюда и под венец?
- Да. Я лучше монахиней стану, чем за Поля.
- Вот еще! По-моему, лучше сбежать.
- Куда?
- Не знаю, мы же смогли заработать, продавая сладости, сможем и еще.

На каникулах нам действительно повезло, на несколько дней удалось заменить продавщицу сладостей с лотка и немного подзаработать. Эти деньги до сих пор лежали в кубышке, и о них никто не знал.

Мы сбежали. Более нелепый побег придумать невозможно. Кому нужны две мечтательницы-недотроги? Где работать и жить? Куда мы вообще бежали? Неважно, главное – из неволи!

Ума хватило только на то, чтобы согласно поведению героинь романов выбросить кое-какую одежду, свернутую в узел, в окошко, чтобы не шествовать с этими узлами у всех на виду. Дальше начался спор. Денег немного, на поезд купили билеты во второй класс, но я уперлась:

- Поедем первым!

Где еще мы могли встретить принца на белом коне? Неважно, что лошади, даже белые, в поездах не ездят, главное, первым классом ездят принцы, это я знала точно. Адриенна пыталась меня увещевать, но то ли делала это не слишком решительно, то ли мой напор оказался куда сильнее, поехали мы с шиком (обшарпанный вагон первого класса тогда казался шиком, как же, в нем были диваны, обитые потертым бархатом, расцветка которого от ветхости не поддавалась определению!).

К нашему сожалению, ни принцев, ни даже их лошадей в вагоне, конечно, не обнаружилось, зато быстро появился строгий контролер, разжалобить которого не удалось. Плакали наши денежки, потому что, кроме доплаты от второго до первого класса, пришлось заплатить немалый штраф. На жизнь не осталось ничего, ни романтические герои, ни благородные разбойники выручать двух наивных дурочек не собирались. А неромантические, оглядывавшие нас масляными глазками и отпускавшие гадкие шуточки, явно не подходили.

Пришлось возвращаться. Только куда, не в Обазин же?

Тетю Луизу в Варение едва не хватил удар, когда она поняла, что мы натворили.

- Как вы будете смотреть в глаза своим воспитательницам?!

Очень хотелось ответить, что спокойно, но смотреть не пришлось. Нас категорически отказались принять в Обазине. Кому нужны столь непутевые воспитанницы? Если честно, то я никаких угрызений совести не испытывала. Разве может страдать пойманный узник при воспоминании о своей тюрьме?

Но нас ждала другая тюрьма. Забота и милосердие сестер не оставляет тех, кто попал в их сети. Так заботливый хозяин, погладив пса, обязательно проверит, крепка ли цепь, чтобы тот случайно не оборвал привязь, держащую его в принудительном раю. И хозяина мало беспокоит, что псу хотелось бы побегать на воле, пусть даже впроголодь. Он создал все условия, пес должен быть благодарен.

Нас не вернули в Обазин, а поместили в пансион института Богоматери в Мулене. Снова бесплатно, снова в качестве обузы и приживалок. Ну и что, что это Мулен, а не Обазин? На два года тюрьма, потому что выходить за ограду нельзя, ничего нельзя. Можно только молиться и учиться шить – должна же быть у нас какая-то профессия, которая поможет заработать на пропитание.

Когда однажды через много лет мне пригрозили тюрьмой, я ответила, что свое уже отсидела. Тот, кто спрашивал, не понял, о чем я, широко раскрылись глаза:

– Вы, мадемуазель? За что?!

– За инакомыслие.

Разве тюрьма – только где решетки на окнах? Нет, это там, где зарешечены возможности.

Мулен. Свобода! Свобода?

Что такое свобода?

Это возможность не делать то, что тебя заставляют делать, или возможность делать то, чего хочется самому? А если человеку дать выбор между этими двумя возможностями, что он предпочтет?

Я – второе, заставить меня поступать против моей воли так и не удавалось никому.

Закончилось и это перевоспитание, через два года нас устроили портнихами к чете Грампер в их роскошный, по нашему представлению, магазин «Святая Мария», торговавший всякой всячиной, начиная от приданого для невест и заканчивая крючками и пуговицами. Нашей задачей стал мелкий ремонт одежды и привлечение покупательниц приятным обхождением.

Сначала восторг вызывали два факта. Во-первых, двух беспокойных мечтательниц поселили в крошечной комнатухе под самой крышей вдвоем. Теперь мы жили вместе и могли не разлучаться совсем. Это существенно, если вы инакомыслящие.

Вторым приятным сюрпризом было то, что магазин находился почти в центре Мулена, где всегда бурлила жизнь. Позже мы поняли, что не так уж бурлила и что это за жизнь, но после Обазина и застенков пансиона все казалось восхитительным.

Однако и здесь наше собственное существование не слишком отличалось от прошлого монастырского, монахини знали, куда устраивать на работу своих выпускниц! Жесткий надзор в обители сменился пусть менее жестким, но все же надзором четы Грампер. Обязались они, что ли, за нами следить?

Я мучилась, как я тогда мучилась от понимания, что жизнь надо как-то менять, и от невозможности это сделать! Мысли Адриенны были куда приземленней, ей всегда хотелось замуж, хотелось иметь прочное, обеспеченное будущее. Я не считала это мечтой, это просто желание, мне тоже хотелось обеспеченного будущего, но какого-то не такого, как Адриенне. И я мечтала за двоих.

О чем? Не знаю, даже не помню, просто хотелось перемен. Разве для того мы выбрались из Обазина и строгого надзора его монахинь, чтобы и в Мулене целыми днями работать в магазине под присмотром хозяев «Святой Марии», а потом до поздней ночи корпеть над чужими нарядами?

До сих пор удивляюсь, как вот эти «посиделки» с иглой в руках над платьями клиенток не отвратили меня от шитья вообще. Наверное, только потому, что, переделывая каждое платье (на мой взгляд, обычно нелепое и перегруженное деталями), я представляла в нем себя или, наоборот, представляла, каким бы сделала его для себя или женщины, себе подобной.

Первым бунтарским поступком стал съём отдельной комнаты вместо отведенного нам уголка в мансарде у хозяев, чтобы хоть по вечерам не быть подотчетной владельцам «Святой Марии». Адриенна пришла в ужас:

– Габриэль, ты не умеешь тратить деньги! На что ты будешь жить?

У нас был общий кошелек, и тратила действительно она, у меня всю жизнь деньги утекали как вода сквозь пальцы.

– А разве ты не со мной?

Она боялась, что родные будут против нашего проживания в съемной комнате, что нам не на что станет жить, что хозяева прогонят нас из магазина, узнав о приработке по ночам... Адриенна боялась всего, я – ничего. Все должно само собой образоваться, я ничуть не сомневалась в успехе. К тому же так хотелось прогуливаться по парку или просто по

улицам, хотя бы изредка бывать в кондитерской. Если уж невозможно жить другой жизнью, то смотреть на нее не возбраняется?

«Глазеть!» – сказала Адриенна. Пусть так, если нет другого. Но моя дорогая теткасестра прекрасно понимала, что, если я начну глазеть, меня уже не остановишь. Конечно, она права, простое разглядывание даже коковок, подъезжавших к кафе в роскошных экипажах, обдающих нас запахом духов, шуршащих шелками своих подолов и прятавших лица за полями огромных шляп, привело к желанию изменить что-то и в себе.

Удивительно, но я никогда, ни тогда, ни позже, не считала этих совершенно безвкусно одетых и дурно пахнущих (разве можно считать хорошим убийственный запах целой клумбы цветов?) женщин ничтожествами. Размеры их шляп были немыслимыми, часто шире собственных плеч, платья украшены огромными турнюрами, на всем обилие искусственных цветов и модного тогда жемчуга. И все же они казались мне великолепными.

Мы переехали в крошечную, обставленную убогой мебелью комнатку вдвоем. Нет, не так, сначала переехала я, а потом ко мне присоединилась Адриенна. Конечно, наше жилье располагалось не в центре города, мы поселились на улочке Пон-Гинге, где сильно пахло сыростью от реки, а сама улица в дождь превращалась в грязное месиво, зато самостоятельно! Простая возможность хотя бы вечером жить своей жизнью, не зависеть от времени ужина хозяев, не отходить ко сну в положенный час быстро сказала и на нас. Бывало, мы не ужинали вовсе, бывало, сидели едва не до рассвета, чтобы успеть выполнить какую-то срочную работу заказчицы, но в остальном стали свободны! Это может оценить только тот, кто много лет жил под ежеминутным надзором.

Я упивалась этой свободой, а Адриенна... она просто вынуждена радоваться со мной. В нашей паре ведущей всегда была я, а моя тетушка-сестра повторяла. Даже позже, когда Адриенна уже пошла своей дорогой, все равно прислушивалась ко мне.

Помню наш первый поход в «Гран-кафе». Скопив работой по вечерам немного денег, я храбро заявила, что пора погулять. Конечно, Адриенна ужаснулась:

– Габриэль, что будет, если нас увидят родственники?!

– Кто? Кто из наших родственников ходит в «Гран-кафе»?

Конечно, не ходили, мало того, не подозревали, что это такое. Главное, чего мы боялись – что у нас не хватит денег, чтобы расплатиться за заказ, а потому взяли с собой все содержимое кошелька. Адриенна тихо стонала от мысли, что мы потратим и останемся без средств на целую неделю:

– Габриэль, на что мы будем есть?

Я махнула рукой:

– Будем голодать!

Едва ли такое бодрое заявление добавило несчастной Адриенне спокойствия. Она не получила никакого удовольствия от чая, который мы выпили в кафе. В Обазине не было принято чаепитие, у тетушки Жюлии тоже, я же впервые увидела, как богачи пьют чай, когда ездила к одной из заказчиц в замок.

Не буду говорить, чей это замок, потому что госпожа N еще благоденствует, но тогда мне все показалось замечательным. Ей понадобилось переделать несколько платьев, обновить, кое-где подшить новые кружева, где-то прикрыть вышивкой пятна, где-то расставить. Мы с Адриенной не шили одежду от начала до конца, а скорее переделывали ее для заказчиц, и все были довольны.

Адриенна была больна, и я поехала одна. В тот день мы не работали в магазине, потому отправилась с утра. Я добралась до замка где-то в полдень, но заказчицу застала в постели, та еще не вставала. На столике рядом с большущей кроватью стояла чашка с кофе, в пепельнице лежали несколько окурков дорогих тонких сигарет, сама дама в роскошном пеньюаре показалась мне просто королевой...

На неискушенную девушку, не видевшую в жизни роскоши вообще, вокруг которой всегда были только простые беленые стены и такая же простая мебель, позолота на спинке кровати и множество резных украшений произвели громадное впечатление. Вот как живут те, кто приезжает в магазин в собственных экипажах, у кого достаточно денег, чтобы содер­жать замок!

Одно из платьев не требовало большой переделки, а нужно оказалось срочно, потому было решено, что я останусь и все сделаю прямо на месте. Так я провела в замке целый день и видела пятичасовое чаепитие (мода, вынесенная хозяйкой из Англии). От меня не укрылось, что ванная на огромный замок всего одна, что у волосы мадам не мешало бы вымыть, что на большинстве платьев под мышками пятна от пота... Но это мелочи, я могла сколько угодно презирать мадам за недостаточное внимание к гигиене, но при этом отчаянно завидовала ее светским манерам (это позже я поняла, что не все так благополучно), ее уверенности, принадлежности к другому миру, за которым я имела возможность только подглядывать в щелочку.

Хотелось ли мне попасть в этот мир? Если вы слышите из-за двери кинозала звуки идущего фильма, смех или рыдания зрителей, а через чуть приоткрытую дверь видите узкую полосу экрана, разве вам не хочется войти внутрь и тоже посмотреть волшебное действие? Мне хотелось, а потому, как только Адриенна выздоровела, мы отправились в «Искушение» пить чай!

Никаких особенных трат не потребовалось, скопленных денег без ущерба для недельного бюджета хватило на чай с пирожными. Пирожные Адриенне понравились, а вот чай нет. Мне чай пришелся по вкусу, но я страстно хотела попробовать настоящий кофе, такой, как был в чашке на столике у кровати мадам.

Так и текла наша жизнь: всю неделю мы усердно работали, иногда прихватывая и воскресенье, а потом отправлялись прогуливаться по улицам, чтобы в конце концов зайти в кондитерскую и выпить чаю или кофе с пирожными, полакомиться фруктовым мороженым и поглазеть на публику побогаче. Откуда в захолустном Мулене богатая публика? О... это отдельный разговор под названием «10-й егерский полк»!

В этом полку, расквартированном рядом с Муленом по ту сторону реки Алье, не служил кто попало, там был, по нашему мнению, цвет общества.

Люблю ли я военных? 10-й егерский любила точно, если бы не они, я так и осталась тихой швеей на улице Пон-Гинге и в магазине «Святой Марии».

Кавалеристы были очаровательны. Более нелепые наряды придумать трудно, но тогда мы откровенно восхищались их удалью, ярко-красными шароварами и дурацкими кепи с огромными козырьками. Кисточки их браденбуров на венгерках так задорно «выплясывали» при каждом движении... Единственное, что из их формы не претит мне и сегодня, – галуны, вышивка, если ее не слишком много, всегда хороша, и галуны тоже. С тех пор я часто использовала именно галуны и тесьму, на них похожую, в отделке своих моделей.

Не менее пронзительно голубых венгерок с «золотыми» браденбурами мне понравились сами усачи. Они были из лучших семей, но если и кичились своим происхождением, то не в Мулене, напротив, там чувствовали себя весьма раскованно. А еще меня восхищала возможность посмотреть на их родственниц, время от времени навещавших «своих обожаемых мальчиков».

Обожаемые мальчики частенько заходили днем в кондитерские или кафе, а вечера проводили в кафешантане «Ротонда». Мы с Адриенной быстро поняли разницу между двумя кафешантанами, во втором – «Ле Бодаре» – просиживали в основном мелкие чины, а потому он считался просто кабаком. Но сами мы попасть вечером ни в одно из кафе не могли, это было слишком неприлично. Оставалось ждать, когда нас заметит кто-нибудь из красавцев в голубых венгерках и красных шароварах и пригласит туда.

Адриенна только отмахивалась:

– Нет, нет, что ты! Что о нас подумают?!

– Кто подумает, родственники? Поверь, им совершенно все равно, где мы и что с нами, только бы не принесли в подоле своих детей на воспитание.

Как ни обидно, но это было так. Правда, сестра Антуанетта, все еще жившая в обители, постоянно писала противные назидательные письма, умоляя не натворить глупостей и помнить о необходимости вести себя достойно. Мы вели...

Даже попав вместе с сопровождающими в «Альказар» и выплясывая там, держались недотрогами. Удивительно, но к нам так и относились. Было весело, очень весело, мы с удовольствием танцевали в конце недели в том или ином кафе, слушали патриотические куплеты в «Ротонде», но никто не мог упрекнуть нас в излишне легком поведении.

И все же я не люблю вспоминать «Ротонду». Не потому, что там было плохо или что-то не так, как раз в «Ротонде» я имела большой успех, а потому, что за ней последовало.

Но для начала мы попали в самую «Ротонду» уже не как посетительницы, а как... артистки.

К этому времени обе были совершеннолетними, но женихов не имели, и уходившие год за годом оставляли все меньше надежды чего-то добиться. Выйти замуж? Но за кого? Кавалеристы могли водить нас в кафе, угощать мороженым и лимонадом, могли даже сделать любовницами, но только не женами. Аристократы не женятся на швеях, даже очень красивых и необычных. Выходить замуж за тех, кто ровня нам самим, означало на веки вечные поселиться в грошовых комнатах, ночами корпеть над заказами, нянчить выводок детей и пытаться вырваться из

бедности, оставив детям только залатанные платья и старую мебель.

Но если не замуж, то что? Становиться кокетками? Красивые, роскошные женщины, всегда веселые, которых сопровождали мужчины с масляными взглядами, хоть и нравились, но я прекрасно понимала, что стать такой мне не грозит. И дело не в отсутствии красивых форм тела, ведь мне то и дело советовали побольше есть, чтобы хоть как-то выглядеть, дело в моей независимости. Жить на чьи-то деньги, прекрасно понимая, что ты игрушка, которую купили на время, не для меня. Даже позже, когда все-таки именно так жила с Бальсаном, я стремилась к денежной независимости.

Адриенне, которая выглядела совершенно несовременной женщиной, казалось, вообще не грозило стать содержанкой. Но и тут я ошиблась, Адриенна ею стала, правда, в конце концов выйдя замуж за барона Нексона. Тогда такой вопрос перед нами не стоял, мы не годились в роскошные женщины, плечи которых окутывали меха, а запястья украшали золотые браслеты... мы этого не стоили.

Оставалось одно: становиться актрисами. Мне казалось, что только актрисы могли быть независимы от мужчин. Мысль открыть свое дело в голову, конечно, не приходила, разве потихоньку что-то перешивать, ни на что большее две девушки без средств рассчитывать не могли не только в Мулене, но и городе побольше.

В отличие от Адриенны, мечтавшей о доме и семье, я мечтала о славе, будучи абсолютно уверена, что если неплохо пела церковные гимны в монастыре, то уж с опереточными песенками справлюсь в два счета. К столь радикальному выводу меня подвигло и то, что я видела, а главное, слышала в «Ротонде». Там не выступали певицы мировой величины, местные звезды давились песенками ничуть не лучше нас с Адриенной.

«Ротонда» была любимым местом проведения воскресных вечеров егерей, где же еще развлекаться, как не там! К нам привыкли, нашего прихода ждали, встречали с восторгом, приветствовали. Мы стали приятельницами многих кавалеристов, оставаясь при этом «ничьими», это выгодно; не желая ссориться между собой, они не претендовали на близость

с нами, при этом охотно оплачивая разные мелочи. Но это не могло продолжаться бесконечно.

Часто по вечерам, глядя на то, как уверенно держатся на сцене одни певицы и совсем неуверенно другие, я кипела: я бы на их месте...

Казалось, стоит выйти на сцену, и во мне откроются такие таланты, что «Ротонда» будет сражена наповал. Однажды я вдруг заявила Адриенне:

– Мы должны здесь выступать!

– Что делать?

– Выступать.

– Где?

– Здесь! И не говори, что у нас нет голосов или умения двигаться, все есть!

Сестра с ужасом округлила глаза:

– Но Габриэль, кто нас возьмет?!

Почему-то именно это сомнение решило все, я уперлась и стояла на своем: мы будем здесь выступать! Позже Бой не раз говорил, что я упряма, как осел. Возможно, но пела-то я куда лучше любого осла!

Возможно, спор с Адриенной проходил и не в таких выражениях, но помню одно: она сомневалась, я упиралась. Победила я, и на следующий день, разодевшись в пух и прах (хотя особого выбора у нас не было), мы отправились к директору «Ротонды». Я не помню его имени, хотя, думаю, он меня запомнил.

Несмотря на все свое бахвальство, я страшно трусила, а потому вела себя откровенно нахально. Немного позже вообще поняла, что лучшее средство заткнуть всем рты – это наглость, и частенько таким средством пользовалась.

Едва переступив порог директорского кабинета, я с ходу заявила, что мы готовы подписать контракт на год, с тем, чтобы выступать по вечерам с парой песен. Директор потерял дар речи, успев предварительно уточнить:

– Кто?

– Мы! – отступить некуда, или нас возьмут, или в «Ротонде» отныне лучше не появляться.

Когда к директору наконец вернулась способность что-то произносить, он почти прохрипел:

– Петь?

– Да, у нас хорошие голоса.

Если бы он еще немного посомневался, все рухнуло, Адриенна была готова с рыданиями броситься прочь, почти наверняка я позорно сбежала бы за ней. Но последовала просьба:

– Спойте что-нибудь. Мадемуазель, где вы пели?

Сказать ему, что пели в церковном хоре? Или спеть то, что и так каждый вечер звучит в «Ротонде»? Это означало безусловный отказ. И я, уперев руку в бок, неожиданно для самой себя залихватски пропела те самые куплеты с петушиным криком! Знать бы тогда, как пристанет ко мне это «Коко»! Но даже если бы знала, не отступила.

Директор молча кивнул и знаком предложил присесть, видимо, все еще приходя в себя от моего напора. Адриенна петь категорически отказалась, но я, почувствовав интерес с его стороны, заявила, что у сестры голос еще лучше, только репертуар пока неподходящий. Уточнить, где же мы все-таки пели, он не стал.

Потом я поняла, сколь необычно это выглядело: две девушки с внешностью скромных швей вели себя с наглостью завязтых певичек кафешантана. Вернее, вела я, Адриенна скромно сидела на краешке стула. А у меня к скромному одеянию добавлялись еще худоба и откровенно детский вид, я всегда выглядела много моложе своих лет, в те годы совсем подростки. Но тем нахальней держалась.

Из кабинета мы вышли с подписанным договором на целый год. Конечно, директор не мог рисковать, он не определил нам какой-то платы, но разрешил собирать деньги в свою пользу после каждого выступления. Тогда в Мулене это практиковалось, думаю, сейчас никому и в голову бы не пришло допустить толпу ничтожеств болтаться по сцене позади солисток и заполнять собой паузы между номерами на свой страх и риск.

В этом и состоял договор: нас допускали присутствовать на сцене и что-то изображать тогда, когда основной состав отдыхал. Можно было спеть, станцевать, а потом пройтись со шляпой по кругу в надежде, что кто-то опустит монетку в качестве поощрительного приза. За сезон таких певичек у задника сцены через кафешантан проходило великое множество, достаточно, чтобы неудачницу пару раз освистали, и хозяин, пожав плечами, договор разрывал и брал новую мечтательницу покорять артистический Олимп.

Почему я решила, что отличаюсь от всех, кто бестолково топтался и противно ныл, изображая пение, не знаю, но я твердо верила, что уж меня-то не освищут ни за что. Теперь я понимаю, что уверенность основывалась на непременном присутствии наших друзей-егерей в зале. Попробовал бы кто-нибудь хоть раз свистнуть, это могло оказаться его последним днем. Зато весьма громкая поддержка нам была обеспечена!

Так и произошло, только услышав, что завтра мы поем в «Ротонде», приятели заполнили ее настолько, что яблоку негде упасть, выкрики, поддерживающие меня, легко заглушили само выступление. Аншлаг в масштабах «Ротонды» был полный, и это повторялось каждый вечер.

Но тогда успех был еще впереди, а пока мы возвращались к себе в комнатку, Адриенна всю дорогу ворчала:

– Это ты считаешь достойной работой?! Мы были пусть не богатыми, но честными швеями, а что теперь?

Я разозлилась:

– Ты можешь оставаться швеей! Или быть честной и здесь.

Адриенна помолчала, а потом поинтересовалась:

– А что ты будешь петь?

Хороший вопрос, потому что, кроме этих петушинных куплетов, я не знала почти ничего. Повторять репертуар певиц-солисток чревато неприятностями.

– А ты?

– Я? Я не собираюсь петь, что ты! – испугалась Адриенна.

После раздумий было решено, что я попробую спеть «Кто видел Коко у Трокадеро?», а сама Адриенна станет собирать деньги, обходя публику с изящной шляпкой.

Шляпку мы соорудили, а вот остальное было кошмаром. Внутренности «Ротонды» совершенно не соответствовали моим понятиям о жизни звезд кафешантана. Крохотная грибка на двоих, размером чуть больше примерочной кабинки в магазине, воду нужно приносить с собой, убирать ее тоже, везде пахло пылью и затхлостью, гуляли сквозняки, в зале запах пищи и пива, выкрики, визг и расстроенное пианино...

Я видела все это, но с другой стороны рампы, если край крошечной сцены можно так-то назвать. Вернее, видела только то, что творилось в зале, а за сценой... Конечно, в первый же день Адриенна ужаснулась:

– Может, не стоило сюда приходить?

И снова ее сомнения лишь придали мне уверенности.

– Ничего, мы здесь временно. Когда-нибудь мы будем вспоминать «Ротонду» со смехом, а те, кто нас будет слушать, будут рассказывать о нас внукам.

Даже сейчас я вспоминаю «Ротонду» с неприязнью, потому что не желала переодеться у всех на виду, считала остальных бездарями и не скрывала этого, в конце концов,

аплодировали мне, пусть не столько за пение, сколько за выходки и ужимки, а деньги собирали на всех! Эти бездарности жилились за мой счет и про меня же говорили гадости! Я не желала спать с теми, кто мне это без конца предлагал, несмотря на мою худобу, из-за чего нам с Адриенной под дверь без конца подсовывали какие-то гадкие записки.

Помню, почти каждый вечер, когда мы возвращались из убогой гримерки «Ротонды» в нашу не менее убогую, но хотя бы чистую комнатку, я подолгу перемывала косточки всем своим товаркам. Эти никчемные девицы, полумертвые от страха, были просто мебелью на сцене, нужной лишь для подчеркивания солисток. Даже если кто-то из них и имел голос, то показать его никак не мог, потому что дрожащие голоса никогда не бывают хороши. Дрожали они от страха, именно из-за него отказалась петь Адриенна.

Наши подружки-соперницы (второе куда больше, чем первое), стоило уйти со сцены солистке, одна за другой судорожно набирали воздуха в легкие и сдавленными голосами выводили черт-те что! Некому было подсказать, что брать слишком высоко опасно, голос обязательно «даст петуха», а если этого и не произойдет, то откровенный визг и писк тоже не украсят певичку.

Но это бы полбеда, я могла вообще не петь, а лишь выделять свои па на сцене, но мне бы аплодировали! А эти ничтожества и двигались как куклы, которых дергают за нитки, они были неуклюжи, страшно скованы, нелепы.

Зато когда приходил мой черед... Соперницы ехидничали, что аплодировали не моему пению, просто меня приветствовали мои приятели. Однажды я посоветовала завести и себе таких друзей. Мало того, выкрикнула это громко, чтобы слышали все.

Зал взорвался криками восторга, меня готовы нести на руках, но я гордо этого не позволила.

Сейчас я прекрасно понимаю, что «Ротонда» была просто жалким подражанием кабаре, что публика там собиралась хоть и лучше, чем в других местах Мулена, но не слишком взыскательная, что меня и впрямь приветствовали больше по-приятельски, чем из-за певческого таланта. Но тогда, выходя на сцену и слушая крики восторга, чувствовала себя настоящей звездой мюзик-холла. Я пела и чудила с удовольствием, а мне просто завидовали! Завидовали и делали гадости.

Зависть надоела, а успех вскружил голову настолько, что я решила: на лето нужно выехать попеть в Виши. Виши курорт, там совсем другая публика, там можно попасть на глаза не только егерям полка, расположенного рядом, но и еще много кому из тех, кто правит бал в мюзик-холлах и еще лучше – оперетте.

Адриенна привычно была в ужасе, и не она одна.

Жюлия, наша старшая сестра, жившая у тетушки Жюлии из простой милости, пошла по стопам матери, она связалась с бродячим торговцем и родила от него сына. При этом торговец не желал на ней жениться, хотя ребенка признал. Представляю, как ехидничали родственники по поводу моей сестры. Вот оно, отродье Жанны, чего ждать от дочерей той, что силой заставила бедолагу Альберта жениться на себе, а потом моталась за мужем, не оставляя ни на минуту и то и дело рожая новых отпрысков?

От Антуанетты из пансиона приходили страшные письма, она заклинала нас всеми святыми не поступать так же, не допускать до себя мужчин, пока те не женятся, беречь девичью честь. Я так и забыла спросить, сама ли сестра писала эти глупости или ей диктовали монахини. Скорее второе...

Представляю, какие потоки грязи вылились бы на нас с Адриенной, узнай ханжи-родственницы о криках восторга кавалеристов после наших выступлений в «Ротонде»! Слава богу, этого не случилось. Только тетка открыто заявила, что, поскольку мы живем отдельно, то и «в случае чего» на их помощь можем не рассчитывать. Адриенна, у которой разорвались отношения с Робером де Гандри (мать запретила ему жениться на бедной девушке), сильно

страдала. Робер был прекрасным молодым человеком, хотя я не понимала, как можно мечтать выйти за него замуж? Адриена мечтала. Она всегда хотела иметь дом, семью, достаток, прочное положение и уважение соседей. Конечно, танцуя и распевая в «Ротонде», этого не добиться никогда.

А чего хотела я? Я тоже хотела иметь семью и прочное будущее, но боялась этого, вернее, боялась обмана, боялась остаться с детьми покинутой мужем. Конечно, мы были совсем взрослыми девушками, которым давным-давно положено иметь мужа и детей, но не выходить же замуж в Варение! И в Мулене было категорически не за кого. Кавалеристы могли сделать своей любовницей, одной из... и на время... А что потом? К тому же они были все похожи, а когда все одинаковы, тогда скучно, несмотря на вечернее веселье.

Так чего хотела я? Успеха! Большого успеха! Огромного, причем не в Мулене, не в Виши, а в Париже. Подняться в Париж... что могло быть более заманчивым? И если для этого нужно сезон провести в Виши, то пожалуйста.

Все друзья-кавалеристы, хотя и изображали страдания из-за нашего отъезда, прочили мне огромную удачу в Виши. Нашелся всего один человек, который ни на мгновение не поверил в мой будущий успех на сцене – Этьен Бальсан. И именно этот человек так разительно отличался от остальных! Бальсан сыграл в моей жизни огромнейшую роль, без него я в конце концов вышла бы замуж за какого-нибудь глупца из кавалерийского полка, родила детишек и все оставшиеся мне годы проклинала эту жизнь.

Когда наши глаза впервые встретились, я сразу поняла, что этот человек рядом со мной не просто так. Он особенный, и это чувствовалось с первых минут общения. Бальсан не отличался красотой и даже статью, он был богат, но вел себя странно. Богач, не желающий жить как все богачи, пехотинец, влюбленный в лошадей, он был из другой жизни, в которую мне ни за что не попасть. Со мной держался дружески, в любовники особенно не рвался, я не в его вкусе. В его вкусе красавица Эмильенна д'Алансон, между ней и мной, как говорил сам Этьен, настоящая пропасть. По его тону я понимала, что пропасть не в мою пользу.

Эмильенна красавица, имевшая многочисленных богатых поклонников и умевшая делать на этом деньги, вернее, получать от них подарки, достойные лучших ювелирных салонов. Бальсан был ею не на шутку увлечен, но сумел вырваться из любовных пут, не растратив на красавицу свое состояние и фамильные драгоценности. Это поднимало его как в глазах родственников, так, видно, и своих собственных.

Я действительно казалась безнадежно далека от этого «идеала», но не столько потому, что не имела пышных форм и умения обирать поклонников, сколько из-за ее манеры одеваться и держать себя. Всегда терпеть не могла дам, закованных в корсеты и ходивших на высоких каблуках. Определенно нет ничего более неудобного, чем каблук под пяткой, тугие, неимоверно стискивающие талию (словно хотели переломить туловище надвое) и создающие выпяченный зад корсеты, множество всяких перьев и цветов на шляпках, длиннющие шлейфы платьев, которые я звала хвостами, турнюры, увеличивающие зады в несколько раз.

Но если кокеткам я такое прощала, даже считая красивыми в их огромных шляпах с полями шире собственных плеч, с накрашенными лицами, то светским дамам простить не могла. А еще они все мне казались... грязными! Еще когда обшивала заказчиц из замков вокруг Варенна, бывала в ужасе от понимания, что они слишком редко принимают ванну. Кокотки и те мылись чаще. Состоятельные дамы, для которых это просто не могло быть трудом, крайне редко мыли волосы, потому от них иногда пахло потом и еще много чем.

Эмильенна пахла чистотой, но была старой и одевалась как все. Бальсан любил женщин старше себя! Мы с ним почти ровесники, и ко мне Этьен относился вполне по-дружески.

Только в одном оказался непреклонен:

– Из тебя никогда не получится певица ни в оперетте, ни в мюзик-холле, ни вообще где-либо.

И все же именно Бальсан дал денег на Виши. Не слишком много, но ничего не требуя взамен, попросил только сообщить свой адрес, когда снимем комнату, чтобы он мог приехать и лично убедиться, что мы не на помойке.

Зачем он это сделал? Чтобы смогла понять, что как певица я бездарь, и, наконец, оставить свои мечты покорить Париж, солируя в Мулен Руж. Иногда я размышляю, что было бы, не ссуди он меня деньгами? В Мулене я продолжала бы мечтать об артистической карьере, будучи в полной уверенности, что аплодисменты моих приятелей-кавалеристов и их восторженные выкрики вполне отражают мои способности.

Бальсан оказался умней, он понял, что переупрямить меня невозможно, я сама должна убедиться, что ничего на этом поприще не стою.

Жестоко? Да, но необходимо.

Виши был провалом. Полным и абсолютным.

В разгар сезона две невесты откуда взявшиеся певички были никому не нужны. Импресарио и директора лишь окидывали нас почти презрительными взглядами и отмахивались, не удосужившись даже прослушать. Адриенна не подходила им своей строгой красотой, а я отсутствием пышных форм.

Да, конечно, мне говорили, что голос слишком слаб, что меня не услышат даже за третьим от сцены столиком, но это глупости, просто голос не поставлен! По моему мнению, это означало только то, что его нужно поставить, разучить новый репертуар и все. Это требовало много денег, а они таяли, как снежинки на теплой ладони...

Адриенна не выдержала и, горько поплавав, но не потому, что страстно желала карьеры певицы кабаре, а потому, что бросала меня одну, вернулась в Мулен. Я пыталась доказать, что это временно, что к началу сезона мы сумеем поставить себе голоса, сшить подходящие для показа импресарио наряды, научимся двигаться, как это делают солистки... но Адриенна не верила.

Проводив ее на вокзал, я вернулась домой и долго лежала, глядя в темноту и пытаюсь убедить сама себя в том, в чем еще утром убеждала сестру. Что делать? В Виши у меня не было клиентов, на заказы которых я могла жить. Поддержки со стороны приятелей, как в Мулене, тоже не было, надеяться оставалось только на себя.

И все-таки я была готова голодать, но не сдаваться! Упорно репетировала и репетировала несколько месяцев, но тщетно. Надежда рухнула, когда стали набирать артисток для нового сезона. Ни на одном прослушивании я не прошла! Директора не увидели во мне актерской жилки.

Желания стать певицей, даже такого сильного, как у меня, оказалось мало, требовался голос. Никакие репетиции до изнеможения, никакие старания не помогли, меня не взяли ни на одну сцену! Сезон начался, а я осталась не у дел. Это было крушение не просто надежды, рушилась вся будущая жизнь. Что делать?

Весь сезон я проработала в Виши... разливая воду курортникам. Но сезон закончился, отдыхающие разъехались, жить стало просто не на что. Я прекрасно понимала, что ни в какое кафе меня не возьмут и петь я не буду. В Виши делать было просто нечего, придется возвращаться.

Назад в Мулен или вперед к новой жизни?

Певицы из меня не получилось, но, может, получится что-то другое? Мысль была достаточно бодрой, если вспомнить мое тогдашнее положение.

Мулен принял меня равнодушно, то есть совершенно равнодушно, словно и не было веселой певицы Коко в «Ротонде». Бальсан пожал плечами:

– Я тебе говорил, что ничего не получится.

Что я могла ответить, «спасибо за поддержку»? Но почему он должен меня поддерживать?

И снова были дни и ночи с иголкой в руках, но теперь уже без Адриенны, которая жила у Мод Мазюэль за городом. Мод была весьма странной особой, огромная, безмятежно величавая, она не ходила, а словно плыла по жизни. Увидев такую, любой мгновенно верил, что у нее все в руках и все под контролем. Несмотря на гладкое, без единой морщинки лицо Мод, никому в голову не приходило, что она молода, Мод звали мамашей все – от сопливых мальчишек до пожилых ловеласов. Под ее крылышко стремились спрятаться многие девушки, ей почти ежедневно кто-то плакался в пухлое плечо, будучи твердо уверенным, что уж Мод заставит негодника жениться или хотя бы признаться в любви.

Ей бы содержать бордель, но она решила иначе: бордель – это грубо, можно же куда изящней. Изящней оказалась вилла в Совиньи рядом с Муленом. Там почти ежевечерне собирались веселые компании, ели, пили, шутили, занимались любовью... Но у Мод нельзя снять девочку на ночь, уединяться полагалось только тогда, когда отношения определены, а до этого сладостного момента нужно красиво ухаживать за объектом страсти, дарить подарки избраннице, а заодно и самой Мод.

Если пара вообще складывалась, Мод получала нечто вроде комиссионных за сводничество. Кем она была? Свахой, сводницей, но не развратницей. Она не поощряла «измен», когда сегодня девушка принимает ухаживания одного, а завтра другого. Такие вертихвостки изгонялись с напутствием:

– Выберешь одного – приходи.

Адриенна была ее любимицей, она не спешила ни с кем в постель, зато за внимание самой Адриенны боролись сразу трое – граф, маркиз и еще кто-то, стараясь один другого переплюнуть в щедрости. Денег было немного у всех троих, что не мешало ухажерам поставлять на вечеринки самые изысканные сладости и вина, а самим дамам (Адриенне и Мод) без конца делать мелкие подарки. Подарки были грошовые, но когда нет белого хлеба, едят черный, все лучше, чем ничего.

Сама Адриенна немного погодя влюбилась, причем взаимно, в барона де Нексона, которому жениться на бесприданнице равносильно отказу от наследства – непозволительная роскошь для человека, живущего только на средства родных. Они очень долго были верны друг дружке и, дождавшись смерти отца барона, все же обвенчались. Через много лет моя Адриенна стала баронессой Нексон, а я так и осталась Мадемуазель Шанель, правда, с добавкой «Великая».

Однако попытка бегства в красивую жизнь не прошла бесследно. Поняв, что привезла оттуда, кроме разочарования, нечто куда более серьезное, я ужаснулась. Беременность в моем положении равносильна смерти!

Что было бы, роди я? Презрение родных? Это самое легкое. Чего ожидать от дочерей безумной Жанны Деволь, яблоко от яблони... Старшая родила, теперь вот средняя... Если они станут каждый год приносить по младенцу, впору открывать отдельный приют для этого семейства.

Дать жизнь ребенку, которому никто не будет рад, на котором всегда будет позор незаконнорожденного? Выйти замуж за какого-нибудь вдовца с шестью детьми и всю жизнь выслушивать от него упреки в распутстве? Или жить у родственников вместе с ребенком, понимая, что тебя держат только из милости? Клеймо матери грозило стать и моим.

Нет! Я пошла к акушерке. Лучше взять на себя грех перед не родившимся ребенком, чем всю жизнь стыдливо отводить глаза перед рожденным вместо ответа на вопрос об отце.

Женщина была пожилой и много повидавшей на своем веку.

– Нет, мадемуазель, я не стану вам делать аборт. Это ваша первая беременность, если ее лишиться, можно совсем не иметь детей.

Послушать акушерку и оставить ребенка? Временами мне кажется, что свой главный выбор я сделала именно тогда, ведь не будь аборта, дальше Варенна мне ничего не видеть.

Я сидела на стуле, прижимая к груди сверток с запасным бельем и простыней, и молча плакала. Плакала сухими глазами!

И вдруг начала говорить. Я рассказывала о матери, которая любила отца больше жизни, родила от него сначала Жюлию, потом меня, а потом еще четверых. Когда стало видно живот в первый раз, родители выгнали ее из дома, пришлось разыскивать нашего отца и пытаться заставить его если не жениться, то хотя бы признать ребенка. Он признал. Но не женился. И даже после моего рождения не женился тоже. Только Антуанетта родилась «законной», нас с Жюлией оформили потом.

У нас не было своего дома, жили у родственников. Всегда как приживалы, всегда на птичьих правах. Но мать все так же неистово любила отца и забывала про нас, его детей. Боясь, что однажды он просто не вернется, стала ездить следом. Заводила очередного ребенка и уезжала снова.

Отцу она со своей любовью была в тягость, это я уже понимала. Мужчину нельзя заставлять жениться или любить себя, если это делать, он обязательно уйдет. Теперь я понимаю, что отец разъезжал и из чувства протеста тоже, когда тебя держат в клетке, обязательно хочется на свободу. Не всем, конечно, но нам с отцом хотелось.

А детей навязывать их папаше нельзя тем более...

Я говорила и говорила, в глазах появились слезы, они текли по щекам, но я не вытирала. Впервые с тех пор, как за отцом захлопнулась дверь приюта в Обазине, я откровенно рассказывала о себе. А чужая женщина слушала.

– Снимай свою юбку и ложись на кровать. Придет время, когда ты пожалеешь о сегодняшнем решении. Но я знаю, что если не я, то это сделает кто-то другой, ты сумасшедшая.

Потом были несколько часов боли и несколько дней откровенного страха. Все обошлось, заражения не случилось, но она права, наступил день, когда я горько пожалела об аборте, потому что ребенка от Боя выносить не смогла, и детей у меня не было.

И все-таки, если бы я не поступила так, не было бы и меня самой, не было бы Коко Шанель.

Там, на чистенькой кровати у акушерки я перешагнула невидимую сдерживающую черту. Нет, я не стала ни шлюхой, ни распутной, но поняла, что никто ни от чего меня не защитит, а еще поняла, что хочу жить другой, обеспеченной жизнью, хочу свободы выбора, хочу денег!

У меня не будет выводка детей, как у моей матери, я не стану страдать из-за мужчин и бегать за кем-то. А еще добьюсь высокого положения, достаточно высокого, чтобы не беспокоиться о куске хлеба, чтобы чувствовать себя независимой ни от родственников, ни от кого-то другого. Я смогу сама выбирать мужчин, и они будут счастливы этим выбором!

В своем желании стать независимой, причем богатой, я была не оригинальна. Тем нелепей оно звучало.

Я и богатство... Откуда?! Клады в нашем садике никто не зарывал, чтобы можно откопать кубышку с золотыми пиастрами. Наследства в миллионы не предвиделось, долгие врать самой себе глупо – отец все так же ездил по ярмаркам и торговал мелочью. Случайно я увидела его, но сама себя убедила, что ошиблась.

С памятью об отце следовало что-то делать. Если мать просто умерла на моих глазах, то ждать возвращения отца больше не стоило, это мешало жить. И тогда усилием воли я отправила его в Америку окончательно. Он там, богатый или почти богатый, с толстой сигарой во рту, в пиджаке и жилетке с цепочкой из кармана для часов, он придет... когда-нибудь... потом... А пока надо жить самой.

Мир поделился на мужчин и женщин.

Первых нужно было завоевать. Всех. Даже если они мне не нужны. Я не собиралась становиться любовницей каждого, кто ходил в брюках, но я желала нравиться.

Так и было всю оставшуюся жизнь. Ни один мужчина не мог устоять перед моим шармом, если я этого желала, так есть и сейчас, когда мне уже много лет, я выбирала сама и чувствовала свою власть.

Но тогда для этого не было никаких предпосылок. Стать безумно привлекательной, когда ты плоская, как доска, с мальчишеской фигурой, маленькой грудью и узкими бедрами, при том, что в моде роскошные телом красавицы... Оставалось одно: изменить моду! Это не так просто.

Вторых (женщин) мне было жалко. Чтобы понять почему, достаточно посмотреть, как одевалась или раздевалась дама. То, что выглядело красиво, когда умопомрачительная женщина проплывала мимо, шурша шелками и покачивая перьями на огромной шляпе, в действительности было ужасным. Снять все это самой невозможно, надеть – тем более.

Корсеты затягивались горничными, иногда даже вдвоем, все зашнуровывалось, завязывалось, укреплялось, закалывалось, завивалось, подкладывалось, подшивалось... Только чтобы женщина могла медленно пройти, демонстрируя себя. Что она показывала? Тело, стиснутое китовым усом и множеством застёжек? Волосы, уложенные с безумным количеством помады и украшений, да еще и прикрытые огромной шляпой с перьями? Каждый день заново укладывать всю эту роскошь не будешь, а потому от них пахло грязными волосами.

Турнюры возвышались над задами, превращая женщин в подобие гусынь. Длинные подола сметали с улиц грязь. Запах пота заглушался духами, которые использовались целыми флаконами. Редко от кого пахло чистотой, обычно был запах грязи. У меня очень хорошее обоняние, а потому особенно трудно.

И в этом мире мне предстояло навести свой порядок. Конечно, не мне одной, но тогда я думала только о себе. А что еще оставалось? Никто другой обо мне думать не собирался.

Почему нужно подчиняться общим правилам, если они меня не устраивают? Почему нужно быть благовоспитанной, выйти замуж, нарожать детей и всю жизнь тянуть свою лямку, эту же жизнь проклиная? Почему нужно зависеть от мужчин, от всеобщего мнения, много от чего? Почему нужно быть как все?

Но чтобы не подчиняться правилам, а самой их диктовать, нужны деньги, это я уже понимала. Деньги были у мужчин и крайне редко у женщин, ни те ни другие просто так делиться не собирались. Заработать самой, но как? Мы могли день и ночь напролет шить и не вылезать из нищеты.

Адриенна сделала выбор, она поселилась у Мод и стала, по сути, содержанкой. На ней не женились, но ее любили и оплачивали. Позже Адриенна все же добилась своего – вышла замуж за барона, удачно, счастливо, по любви. Я была рада за нее, мне

такого не удалось. Просто Адриенна влюбилась в того, кто мог долгие годы в ответ любить только ее и кому не нужно поддерживать свой имидж женитьбой.

Я решила иначе. О любви речи не шло, значит, мужчин можно только использовать. Я тоже стала содержанкой, только необычной.

Не судите да не судимы будете... Как это верно, человек обязательно получает от судьбы то, за что осуждает других. Можно упрекнуть меня, что постоянно ворчу и всеми недовольна. Я не осуждаю, а критикую, это не одно и то же!

Содержанки не достойны уважения? А кем я стала для Бальсана? Не совсем содержанкой, конечно, и все же...

Этьен Бальсан

Когда человек перестает уважать сам себя? Когда делает то, за что осуждает других, или не делает то, что, по его мнению, должен делать. Как вернуть уважение? Нужно убедить себя, что ваше поведение обоснованно. Если не можете, поступайте как должно или не осуждайте.

Закончилась эпопея с попытками стать великой актрисой (все равно через много лет я буду брать уроки вокала, но, если честно, просто от безделья). Это был не просто щелчок по носу, жизнь заставила меня понять, что, просто пожелав что-то, вряд ли его получишь. За все надо платить, а саму жизнь воспринимать такой, какая она есть, а не какой ее описывают в слащавых романах. Благородные разбойники бывают только в книгах, в жизни они вовсе не такие. И спасать себя надо самой.

Но теперь знала одно: я должна добиться независимости, а независимость – это деньги. Однако таких денег, как предлагала своим приятельницам Мод, я тоже не хотела.

Мод Мазюэль жила на вилле в Совиньи и держала нечто вроде салона. Это не был дом терпимости, упаси боже, иначе я утащила бы оттуда Адриенну за волосы! Но это дом для свиданий влюбленных парочек. Там устраивались замечательные вечера, куда можно прийти со своим другом или подружкой. Однако допускались не все, только личные знакомые самой Мод, она действительно не желала превращать свою виллу в бордель.

Адриенна жила на вилле постоянно, и к ней тоже приходил возлюбленный. Это личное дело моей дорогой Адриенны, потому рассказывать не буду.

Я бывала у Мод очень редко, во-первых, не с кем встречаться, во-вторых, я стала много осторожней, одного похода к акушерке вполне хватило. Иногда Мод водила нас с Адриенной на скачки – модное развлечение богатых. Наверное, наша троица выглядела уморительно – посередине мощная, словно тумба для афиш, Мод, а по бокам мы с Адриенной, обе как раз по половине ширины мадемуазель Мазюэль.

Чтобы не смотреть на трибуны, где сидели те, у кого кроме денег имелось еще и имя, я старалась подойти ближе к ограждению. Туда не слишком стремились остальные – из-под копыт летели комья земли. Зато туда часто подходил Этьен Бальсан, для которого лошади были самым дорогим в жизни.

У Этьена заканчивался срок службы, и он купил в Руайо поместье, где можно организовать конный завод. Полученное наследство помогло осуществить эту идею. Бальсан ни словом не вспомнил мой долг и неудачную карьеру, не потому что столь уж благороден, просто его интересовали лошади и женщины совсем другого склада, чем я. А выделенная на мой эксперимент сумма вовсе не казалась значительной. Этьен не требовал благодарности.

Встречая меня на скачках, он старался объяснять достоинства той или иной лошади, указывать на недостатки, что-то прогнозировать... Я даже не помню, сбывались ли его прогнозы, важнее, что красота этих животных увлекла, а азарта мне и без объяснений Бальсана не занимать. Я редко делала ставки, не имела свободных денег, но мысленно всегда указывала победителя. Больше всего мне нравился номер пять, не определенная лошадь, а сам номер. Кто мог тогда знать, что этот номер станет счастливым на всю жизнь.

Днем и по вечерам работа за швейной машиной (хотя мне все больше и больше нравились ножницы), в выходные чай или кофе с пирожными с приятелями в салоне, скачки или вилла Мод...

Весело? Черта с два! Я дохла со скуки. Но хотелось не выть на луну, а кого-нибудь искушать, хотя на фотографиях того периода у меня вполне мирный и благостный вид. Раз-

глядывая эти снимки, я иногда не верю своим глазам. Как можно так безмятежно улыбаться, когда на душе не то что кошки – целые тигры скребли? Кого я пыталась обмануть, окружающих или все же себя?

Бальсана не обманула, он понял, что мне тошно.

Мне двадцать четыре года, и хотя выглядела на восемнадцать, положения это не меняло.

И вдруг...

– Ухожу в отставку, уже написал рапорт.

– И... и что?

– Ничего. Поеду в имение, там почти отремонтировали дом. Буду разводить лошадей и готовить их к скачкам.

Я знала, что Этьен давно мечтал заниматься только лошадьми, и о наследстве знала, и о ремонте купленного имения в Руайо, все знала и все понимала, кроме одного.

– А я?

Под его недоуменным взглядом вся сжалась, потом судорожно глотнула и словно бросилась в холодную воду:

– Этьен, тебе не нужна ученица?

Еще несколько мгновений, которые показались вечностью, он разглядывал меня, как диковинку, потом с удовольствием хмыкнул:

– Маленькая Коко хочет поехать со мной? Поехали!

Потом Бальсан заверял всех, что спать с той, которую не любишь и которая не любит тебя, даже удобней, по крайней мере, всегда знаешь, чего ждать. Он ошибся, думая, что знает, чего от меня ждать. Как и по поводу «не любишь». Но это было позже, а тогда я с визгом бросилась на шею Этьену.

Если честно, то зачем он взял меня с собой, не понимал никто, думаю, и он сам. Может, просто к слову пришлось?

Мод не поняла тоже:

– Он никогда не женится на тебе.

– Никто не собирается за него замуж.

– Тебе не восемнадцать лет. Чего ты хочешь?

– Независимости.

Толстуха оценивающе оглядела меня еще раз, впечатление видно не изменилось.

– Независимость дают только деньги. Ты не в его вкусе.

Могла бы и не напоминать, в его вкусе Эмильенна д'Алансон,

но даже ей Бальсан не слишком много подарил. Не потому, что прижимистый, наш друг не отличался жадностью, а просто не желал тратить на женщин деньги.

Я прекрасно понимала все про деньги и свободу, которую они дают, как и то, что от Бальсана их не получу, но Этьен открывал мне хотя бы возможность побывать в Париже. Уже ради одного этого следовало поехать с ним в Руайо.

– А в Париже что, снова устраиваться певицей?

Нет, вот уж об этом я не думала совсем, если не нашлось желающих предоставить мне сцену в Виши, то о «Мулен Руж» даже мечтать не стоило.

И все-таки я отправилась в Руайо.

И... просчиталась.

Нет, не в Бальсане, он оказался хорошим любовником, достаточно щедрым человеком, однако и самому Этьену, и тем, кто его окружал, я не была нужна. Все в Руайо жили своей жизнью и никто моей.

У меня было все: большая светлая комната, личная ванная («Здесь можно мыться каждый день?» – «Хоть десять раз на день, если тебе не лень раздеваться и одеваться»), прислуга, еда, питье, развлечения... Кроме одного – той самой независимости.

Но в ней я пока не так остро нуждалась.

Вы можете осуждать меня сколько угодно. Я действительно жила у Бальсана, на деньги Бальсана, ездила с ним в Париж, спала с ним, каталась на его лошадях, одевалась за его счет и при этом его самого не любила. А он не любил меня. Просто приятельница, просто запасная любовница... Иногда милая, чаще очень забавная, в непохожести на остальных есть своя прелесть.

Игрушка? Возможно, но мне так хотелось спокойствия хоть ненадолго, хоть на чуть-чуть. Побывать лентяйкой, которую балуют, которой не нужно думать о том, где взять деньги, если заказчицы уехали отдыхать, чем платить за комнату, как сэкономить, чтобы купить простенькую ткань на платье.

Я, вчерашняя воспитанница приюта, за которую не платили, теперь жила в замке XVII века с огромными окнами, с камином, таким огромным, что в нем, кажется, могла поместиться вся моя прежняя комнатка, с серебряными канделябрами, с потемневшими от времени портретами на стене вдоль лестницы... У этой лестницы были перила, по ней можно бегать и вниз, и вверх одинаково безопасно. Но желания побегать через ступеньку не возникало, когда можно, почему-то не хочется.

Сначала я отводила душу, валяясь в постели до полудня, заставляя столик у огромной кровати чашками с кофе, засыпая пеплом ковер и стопки дешевых романов, которые теперь читала в виде книг, а не сшитых газетных листков, расхаживая по своей комнате в шелковой пижаме самого Этьена. Бальсан смеялся:

– В жизни не встречал такой лентяйки! А еще говорили, что ты очень трудолюбива и прилежна.

– Тебе не повезло, ты встретил меня в момент, когда я отдыхаю за все предыдущие годы.

– И долго ты собираешься это делать?

Внутри все похолодело. Неужели он потребует выметаться вон?

Но глаза Этьена смеялись, он любил насмехаться.

– Кто-то хотел учиться ездить верхом?

Я сладко потянулась:

– Обязательно... вот только еще чуть поваляюсь...

И все-таки я не считала себя содержанкой. Я словно гостила в замке Этьена, как дорогая гостья, изредка занималась с ним любовью и ничего не требовала!

Вот что позволяло не чувствовать себя униженной – Бальсан мне ничего не дарил. Это было необычно, потому что все любовницы немедленно намекали на подарки, лучше драгоценные и фамильные.

Этьен Бальсан необычен даже для своего развеселого кружка. Необычной была вся его семья.

Мы покатывались от хохота, слушая рассказы о проделках Этьена.

Еще в детстве от него хваталась за голову. Однажды в имение был срочно вызван ветеринар, потому что нескольких уток поразила неизвестная эпидемия: они, как сумасшедшие, ходили с открытыми клювами. Ветеринар долго не мог понять, в чем дело, ни в каких справочниках столь странное заболевание не числилось.

Но когда пару ошалевших птиц удалось изловить и осмотреть, оказалось, что Этьен просто умудрился заклеить им ноздри, бедным уткам приходилось дышать «ртом».

Когда таких выходов набралось слишком много, дядя Этьена, который воспитывал их со старшим братом Жаком после смерти отца, решил отправить беспокойного племянника в английский колледж. Собственно, Жака воспитывать было уже поздно, он старше Этьена и встал на ноги, хотя, по мнению родни, страстное увлечение воздухоплаванием вместо семейного бизнеса по производству сукна едва ли можно назвать достойным приложением сил.

Этьен убрался в Фолкстон с превеликим удовольствием, он явно не собирался там перегружать себя занятиями. Лошади и собака Рекс, не считая, конечно, мелких любовных интрижек, – вот что интересовало молодого Бальсана. Любимых лошадей пришлось оставить дома в поместье, а вот Рекса Этьен забрал с собой.

Немного погодя из Фолкстона пришла телеграмма: «Мы с хозяином добрались благополучно. Рекс».

Исправить Бальсана невозможно, грызть гранит науки в колледже он не собирался, но согласился послужить в армии. И отличился тут же! Во-первых, тем, что заснул на посту, а разбуженный, обругал толстяка в панамке и пенсне, посмеявшегося нарушить сон часового. Толстячок оказался губернатором, покой которого и должен охранять Бальсан. Снять опалу помог случай. Этьену удалось вылечить копыта полковых лошадей, чего не смогли сделать опытные ветеринары.

А потом он придумал, что желает изучать редкое восточное наречие, чтобы стать переводчиком. Только во всей Франции якобы имелся лишь один человек, этим наречием владеющий, – в Мулене. Так пехотинец Бальсан оказался среди лошадиников Мулена.

Лошади стали его страстью окончательно и бесповоротно, а скачки и подготовка к ним – основным времяпрепровождением.

Два брата, Жак и Этьен, окончательно забросили мысли о семейном бизнесе – производстве сукна, поручив его младшему брату Робберу. Жак продолжал заниматься полетами, приобретая славу одного из лучших авиаторов, а Этьен осел в Руайо, приведя в смятение всех знакомых семьи. Аристократ, добровольно удалившийся в деревню? Это странно, очень странно. Несомненно, ему есть что скрывать, он просто прячет свою прекрасную возлюбленную!

Сомневаюсь, чтобы вся эта камарилья могла отнести к числу прекрасных меня, тем загадочней было мое пребывание в Руайо. Обращал ли внимание сам Бальсан на эти ахи и вздохи кумушек? Сомневаюсь; человек, которому наплевать на мнение ближайшей родни, не мог считаться со старыми тетушками, помнившими времена Наполеона.

Вот к такому необычному человеку я попала в любовницы. Зачем? Для него просто так – мимолетное развлечение с забавной малышкой. Для меня возможность хоть ненадолго окунуться в беззаботную жизнь.

Было ли это падением? Смотря с какой точки зрения. Неужели лучше развлекаться на вилле у Мод, потому что там делают вид, что собираются пожениться? Бальсан никогда ничего не обещал, он просто позволил приехать к нему и пожить. Пока. Пока кому-то из нас не надоест. Конечно, я прекрасно понимала, что если наскучу ему, то буду выставлена за дверь в два счета, церемониться Этьен ни с кем не стал бы. Но об этом лучше не думать. Пока я наслаждалась относительной свободой ничегонеделания.

Но сколько можно бездельничать и разыгрывать из себя лентяйку? Довольно быстро выяснилось, что ничегонеделание – тяжелый труд, мне он не под силу.

Управлять хозяйством Этьен совершенно справедливо не доверял, да я и не стремилась. Оставалось примкнуть к его развеселой компании, увлеченной верховой ездой и то и дело перемещавшейся вслед за лошадьми Бальсана со скачек на скачки. Но как можно примкнуть, не умея ездить самой?

Этьен уже намекал, что пока стоит хорошая погода, можно бы и поучиться... Он не знал главной моей проблемы: отсутствия одежды для верховой езды. Не садиться же в седло в единственном на все случаи жизни костюме или в шелковой пижаме самого Бальсана. Когда я представила себя в большой пижаме с широкими развевающимися на ветру штанинами, стало смешно. Но смех проблему не устранил.

Представляю, что сказала бы Эмильенна. Нет, она даже не поняла бы, что проблема существует. «Попроси у Бальсана! Должен же он одевать тебя». Я ничего не собиралась просить у Бальсана, пока у меня оставался хоть один собственный франк. Одно дело пить кофе или курить сигареты (по глупости из воспоминаний о своих прежних посещениях замков я научилась курить – привычка, которую изжить так и не удалось), ездить вместе с его командой и совсем другое – просить денег на костюм. Я не только не протянула руку, но и отказалась, когда, видно, что-то сообразив, Бальсан сам предложил сшить амазонку.

Нет! Но во что-то одеваться нужно, пришлось искать другой выход. У меня еще не было такой сноровки, чтобы самой сшить амазонку, к тому же нутром чувствовала, что конкурировать с остальными в этом женском наряде не смогу.

Когда я что-то не могу как все, делаю наоборот, обычно получается хорошо.

Если для посадки в дамское седло нужны амазонка и шляпа, которые мне самой не по карману и будут сидеть, как на козле бриллиантовое ожерелье, значит, надо учиться ездить в мужском седле.

Жокеи примерно моего роста и сложения, потому проблем с седлом не было, но для такой посадки потребовались брюки и сапоги. К моему ужасу, оказалось, что экипировка жокея мне тоже не по карману, купить роскошные кожаные сапоги без поддержки Бальсана я не смогу. Хоть возвращайся в Мулен, чтобы подработать!

Но об этом не могло быть и речи, я прекрасно понимала, что уехав, обратно не вернусь. Бальсан неизвестно зачем пригласил меня в имение, второй раз этой глупости не сделает. Нет, он не только не гнал, был даже рад моему обществу, находя забавной, но рассчитывать на его повторную настойчивость не стоило.

Выход нашелся неожиданный, я увидела на одном из конюхов брюки английского покроя и заказала себе подобные, немало удивив сельского портного. Получилось замечательно!

Увидев меня в такой экипировке впервые, Бальсан замер с открытым ртом и долго не мог высказаться, потом все же мотнул головой:

– Только никому не показывайся...

– Вот еще! Ты считаешь, что это хуже, чем нарядиться в дурацкий корсет, делающий женщин похожими на дородных гусынь, которых откармливают к празднику?

Снова замерев на несколько секунд, Этьен наконец махнул рукой:

– Ладно, садись в седло.

Легко сказать садись, а как это сделать, если стремя почти на уровне груди, а седло и того выше?

Началась нелегкая учеба. Сначала я училась просто из чувства протеста, потому что в первый день Этьен фыркнул:

– Оставь эту затею, верховая езда не для тебя.

Потом понравилось. Я подружилась с конюхами и жокеями, которые немало помогали советами. Немного погодя я ездила уже прекрасно, чем тронула сердце Бальсана и потрясла всю компанию. А через несколько месяцев была лучшей наездницей Руайо!

Я быстро стала своей в их компании, но все равно оставалась чужой, потому что была необычной. Надевать мужские брюки и рубашку Этьена можно, когда собираешься носиться по полям

или Компьеньскому лесу, но никак не на вечеринку или когда выезжали на скачки. Моя прежняя одежда тоже слишком скромна. Неужели придется и себя утягивать в корсет или подкладывать дурацкий турнюр?

Однажды я все же попробовала так вырядиться.

У меня самой никогда не было ни полного корсета, ни турнюра, ни роскошного платья; то, что мы с Адриенной соорудили для себя, немилосердно экономя каждый сантиметр ткани, отличалось от нарядов приятельниц Бальсана, как черный хлеб от пирожных. Но даже по сравнению со скромницей Адриенной я была ничем. Кафешантанные наряды «Ротонды» и «Альказара» годились только для сцены.

Может, и мне пошли бы все эти кружева и перья? Но где их взять?

Эмильенна, приезжая к Бальсану в имение, иногда оставалась на несколько дней, а потому не таскала за собой огромные коробки с платьями и шляпами. Все это лежало и висело в шкафах в комнате, которую она занимала. Комнаты не закрывались, в имении Этьена все запросто.

Выбрав момент, когда гостей в поместье не было, Эмильенна должна приехать только завтра, а Бальсан – вернуться послезавтра, я осторожно заглянула в комнату соперницы. Чисто... вкусно пахло духами... за скрипучей дверцей шкафа несколько нарядов, аккуратно повешены, и два корсета. Вот чем мне всегда нравилась Эмильенна, так это своей чистоплотностью и аккуратностью.

И тут я решилась. Позвала горничную, с которой была в очень хороших отношениях:

– Мари, помоги мне.

Та в недоумении распахнула и без того не маленькие глаза:

– Что вы собираетесь делать, мадемуазель?

– Примерить одно из платьев мадемуазель д'Алансон. Думаю, не заказать ли мне такое же?

Вряд ли Мари поверила в мое желание заказать сумасшедший наряд с перьями и цветами, а главное, в финансовые возможности. Слуги всегда в курсе дел хозяев, думаю, слуги Бальсана знали, что я не беру у него денег, и именно потому смотрели на меня уважительно.

– Вряд ли вам пойдет этот наряд, но если хотите, мы можем попробовать.

Если вы думаете, что обрядиться в сумасшедшее количество всякой всячины, составляющей наряд светской дамы, легко, то сильно заблуждаетесь. Первой проблемой оказался корсет. Эмильенна имела весьма привлекательную фигуру благодаря искусству портних, создающих эти орудия пыток. Но у нее хоть было из чего фигуру формировать! Корсет утягивал тело так, чтобы все оказывалось либо над ним, либо под ним – получались грудь и бедра.

А у меня не нашлось что утягивать! Как ни шнуровала бедная Мари, как ни старалась, грудь так и не появилась, декольте упорно оставалось полупустым. Я попыталась прикрыть это безобразие боа из перьев, получилось еще хуже. С таким же успехом можно было обрядить в эту роскошь один из столбов ограждения.

Мне категорически не шли женственные наряды с рюшами, оборками, перьями и прочей чепухой, выглядела огородным пугалом. Кто не верит, может посмотреть фотографии периода Руайо.

Если тебе не подходит то, что носят все, разве это не повод, чтобы изменить моду?

Нет, не повод. Это причина! Не имея возможности ни сшить, ни носить дорогие платья с турнюрами и огромные шляпы с кинжально торчавшими перьями куропатки или здоровенными павлиньими, я попросту приучила остальных носить то, что шло мне!

Поистине, если гора не идет к Магомету...

Хорошо, что Бальсан не дарил мне нарядов, иначе я бы превратилась в чучело с перьями на голове.

Но тогда...

Мари почти с тоской предложила:

– Может, подложить что?

Стало смешно; хороша фигура, если вместо того, чтобы прилагать усилия по уменьшению объемов, как делают другие, мне нужно что-то подкладывать.

– Подушку, Мари!

Мы хохотали до слез, представляя, как я сначала подкладываю подушку вместо груди в декольте, а потом она совершенно не вовремя вываливается!

Зато когда я, все еще в наряде, взятом из шкафа Эмильенны, оглянулась, смех застрял в горле. Мари тоже смогла лишь ойкнуть – на пороге, с недоумением разглядывая веселую вакханалию, стояла хозяйка платья и корсета!

Кажется, она поняла, в чем дело. Но Эмильенна имела совершенно не стервозный нрав или просто не показывала его при мне. Никакой бури не последовало, посмеялась вместе с нами и посоветовала:

– Габриэль, вам нужен другой корсет. Что тут утягивать, если вы худы, как спичка?

– Как жердь!

– И в платье не стоит так открывать грудь, лучше сделать декольте повыше.

– Да не собираюсь я носить такое! Извините, что взяла ваши вещи, я приведу в порядок, а если хотите, выплачу вам их стоимость.

Сказала и с тоской подумала, что моих средств не хватит на этот наряд, придется просить у Этьена.

Эмильенна махнула рукой:

– Не стоит, платье все равно давно висит без дела. Я хотела спросить о другом. Ваша шляпка, в который вы были вчера... Я нарочно приехала, чтобы попросить сделать мне такую же.

Честно говоря, я не слишком поверила этому объяснению, просто она не хочет вгонять меня в краску. Но разговор поддержала, в результате простая соломенная шляпка, которую я переделала по примеру манипуляций тети Луизы в Варение, перешла в руки Эмильенны.

К моему удивлению, оказалось, что подруга Бальсана действительно решила носить усовершенствованный мной головной убор! Хотя изменения, которые потом внесла в его вид сама Эмильенна, на пользу не пошли, все равно шляпка разительно отличалась от того, что располагалось на головах остальных. Получить такую поддержку... Эмильенна д'Алансон одна из «трех великих» – трех знаменитых коковок того времени, дамы света проклинали их в гостиной, тайно копируя наряды. Можно сказать, что Эмильенна тогда была из тех, кто делал моду Парижа.

Мне и в голову не приходило, что совсем скоро я сама буду диктовать эту моду.

За Эмильенной последовали остальные, теперь в мои шляпки нарядились все посетительницы Руайо.

Меня поразило не только, что Эмильенна не стала протестовать из-за моего самовольного вторжения в ее комнату и в ее гардероб, – она назвала меня Габриэль, вместо Коко, как все привыкли.

Это прозвище однажды вспомнил Бальсан, называя меня так, вероятно, из желания подчеркнуть свое отношение. Оно мгновенно прилипло, подхватили даже те, кто никогда не был в «Ротонде» и не слышал моих петушиных куплетов.

Обижаться глупо, потому что приятели тут же обозвали самого Этьена «Рико», получилось «Коко-Рико» – петушиный крик.

Правда, к самому Бальсану чаще всего обращались по фамилии, а ко мне по прозвищу. Забавная Коко, смешная Коко, дерзкая Коко, задиристая Коко... Все эпитеты хороши, как бы только не превратиться в клоунессу.

Я действительно частенько забавляла всю компанию, давая весьма едкие комментарии статьям в газетах, чьим-то нарядам, поведению, суждениям. Дамы развлекались тем, что интересовались моим мнением по поводу какой-нибудь особы. Прекрасно понимая, чего от меня ждут, я шла у них на поводу, высказывая что-нибудь весьма нелицеприятное.

Однажды задумавшись, почему приятельницам Бальсана нравятся мои едкие замечания, поняла: они всегда спрашивали об отсутствующих и с удовольствием смеялись над кем-то за глаза. Так же смеялись и надо мной?

Но дерзить мне понравилось, я не столь уж строго относилась к тем, кого порицала, говорила дерзости скорее из протеста. Дамы света и полусвета носили немыслимые наряды, в которых не то что двигаться, даже стоять неудобно! Их шляпы с трудом проходили в двери, хоть расширяя дверные проемы? Корсеты изгибали тело в виде буквы S! От каждой невыносимо пахло из-за вылитого на себя флакона едких духов!

А что им было носить, если другой одежды просто не придумали? Какие шляпы выбирать, когда других нет? Какие корсеты заказывать, если в моде оттопыренный зад и этот самый силуэт S?

И только одного я не могла оправдать – запаха невымытых волос и пота из подмышек. К счастью, большинство коковок любили чистоту.

Как мне хотелось сорвать с каждой нашлепки турнюров, расшнуровать корсеты, ошипать перья на пыльных шляпах! Но тогда мое время еще не пришло, позже я сумела заставить женщин носить удобную одежду. Элегантность без удобства невозможна!

Если вы, конечно, не хотите быть просто малоподвижной куклой в витрине магазина, разряженной и глупой.

К сожалению, этим грешат многие кутюрье и сейчас. Когда по подиуму с сознанием большой значимости важно шествуют угловатые дылды в мешках из-под картошки, увешанных старыми консервными банками или обрывками газет, я задумываюсь: стал бы сам кутюрье надевать вот такое или нарядил бы в свой «шедевр» жену? Уверю вас, НИКОГДА! Зачем же выдавать это за моду?

Мода – это то, что можно носить, что с подиумов выйдет на улицу, что станут копировать, чему будут подражать. А мешки из-под картошки – театральные костюмы. Господа, не смешивайте театр и жизнь, это не одно и то же.

Что я делала у Бальсана и кем там была?

Самое страшное для человека – попасть в колею. Жизненная колея лишает самой жизни, потому что следование «положенному» лишь слабое ей подражание.

Каким-то внутренним чутьем я всегда стремилась этой колеи избежать. Сначала получилось, потому что стала сиротой. Воспитывайся я в добропорядочной семье, едва ли избежала бы участи быть выданной замуж «как положено», нарожать детей и всю жизнь мечтать о свободе, считая таковой походы на ярмарку по воскресеньям или бунт в виде замены лентами цветочков на шляпке.

Второй раз меня вытащили «Ротонда» и Виши, пусть это был провал, но ведь была и попытка!

В третий раз помог Бальсан с его Руайо и лошадьми. Он вытащил меня (хоть и по моей просьбе) из этой колеи и... оставил на обочине!

Я не входила в планы Бальсана ни в каком виде, не вписывалась в его жизнь. Жизнь резво катилась мимо, а я просто стояла в стороне и смотрела. Чтобы понять, куда двигаться дальше, иногда нужно и постоять.

В Руайо я научилась ездить верхом, познакомилась с миром полусвета, привыкла быть раскрепощенной и... поняла, что это все не для меня. Не потому, что не имела внешних данных кокетки, а потому, что желала иной независимости. Я хотела иметь деньги, которые бы мне эту независимость обеспечили, но только не из чьих-то рук.

Значит, надо заработать самой! Чем? Как в Мулене мелкой переделкой и починкой нарядов? Приятельницы Бальсана вполне могли обеспечить меня такой работой, но каким тогда было бы мое положение? Хуже не придумать. Обшивать и развлекать веселую компанию? Ну уж нет! Я даже шляпки приятельницам переделывала бесплатно, хотя тратилась на покупку лент и самих колпаков.

Все больше подружек Бальсана носили шляпки, которые выглядели весьма непривычно для тех времен. Это вызывало жгучий интерес на ипподромах, привлекало внимание к девушкам из нашей компании и даже приводило к вопросам: где вы купили такую необычную шляпу?

В какой день мне пришла идея открыть свой магазин? Не помню, хотя должна бы помнить, ведь это было судьбоносное решение.

Что, если заняться этим не в Руайо, а в Париже, чтобы мои шляпки смогли покупать все желающие? Я точно знала, что на этом можно сделать деньги.

– Бальсан, я не хочу сидеть на твоей шее.

Он расхохотался:

– Слезай!

Можно бы обидеться, но я взяла себя в руки:

– У тебя в Париже квартира, позволь использовать ее?

Выражение его лица стало презрительным.

– Хочешь принимать там клиентов?

Я прекрасно поняла, что он имел в виду, но спокойно пожала плечами:

– Не клиентов, а клиенток. Я буду делать шляпы там.

Убрать выражение гадливости Этьену удалось не сразу, хмыкнул:

– А в Руайо этого делать нельзя?

– Мне нужен Париж.

Вообще-то, я выбрала не вполне удачный момент для разговора. Один из его скакунов захромал, а кобыла, на которую Бальсан делал ставку, вдруг оказалась брюхатой. И теперь он не знал, кого сначала убивать – конюха или жокея, или обоих сразу. Бальсану было совсем не до моих авангардных шляпок.

Но я в очередной раз убедилась, что если не видишь выхода из положения, поступай нелогично и именно это окажется выходом.

– Я же не могу все время резвиться в Руайо. Что я буду делать дальше?

Бальсан отмахнулся от меня, как от назойливой мухи:

– Делай что хочешь!

Хорошее заявление, когда у меня нет денег. Но я не растерялась, несколько шляпных заготовок нашлось, ленты тоже, а квартирка Бальсана, расположенная в весьма престижном районе, вполне подошла для шляпной мастерской.

В Париже с Бальсаном я бывала уже не раз, но мы не жили в этой квартирке, останавливаясь в отелях. Просто из меня хозяйка никакая, а нанимать прислугу на несколько дней неудобно.

В отеле я научилась, смешно сказать, есть устриц! Думаете, это так просто, если взять устрицу в рот впервые доводится в двадцать пять лет? Первым желанием было немедленно выплюнуть этого слизняка обратно. Судорожно сделав глотательное движение, я запила мол-

люска полулитром вина и остальной вечер помнила уже плохо. Кажется, убеждала Бальсана, что съесть дюжину этой гадости не смогу, потому что столько вина в меня не поместится.

Бальсан хохотал, но посоветовал все же научиться:

– Устрицы любимое лакомство в приличном обществе.

Возражения вроде «этот слизняк воняет морем» или «они же скользкие!» вызывали только очередные приступы смеха.

На следующее утро, когда Бальсан уже ушел по делам, оставив меня очухиваться после эксперимента, я испытала новое потрясение. В номер принесли поднос с... еще дюжиной устриц. Этьен твердо решил воспитать из меня аристократку!

Пришлось собрать всю волю в кулак и начать экзекуцию. Первую я глотала с закрытыми глазами, убеждая себя, что так надо. Потом глаза решительно открыла, но дальше второй дело не пошло, мое нутро категорически не желало подчиняться предпочтениям аристократов.

Дело в том, что еще при жизни матери мы бывали на побережье. Я даже не помню точно, где это, запомнила только, что хозяин лачуги, в которой мы жили, приносил устриц в большом садке. Раковины были обвешаны водорослями, отвратительно пахли и никакого подъема аппетита не вызывали.

Еще хуже выглядел слизняк внутри. Глотать это?! Ну уж нет! Хозяин насмешливо поинтересовался:

– Как же ты будешь есть их, когда станешь богатой?

Я и богатство в те времена были столь не сочетаемы, что слова вызвали смех. Но попытка проглотить скользкую устрицу привела к извержению содержимого желудка обратно.

Теперь же мне предстояло научиться глотать их, не морщась. Я могла изменить фасон шляпки, даже фасон платьев, но отменить любовь к устрицам не могла. Это одно из немногих, к чему все же пришлось приспособливаться. Потом я привыкла и даже стала находить удовольствие в поглощении моллюсков, правда, не дюжинами, но парочку можно.

А тогда... Съесть дюжину означало заболеть животом на неделю. Попытка уговорить горничную присоединиться к трапезе, чтобы меньше осталось мне самой, не удалась. Бедная девушка не смогла скрыть своего отвращения к моллюскам, она в пищевых пристрастиях не слишком отличалась от меня (или я от нее?). И вот это понимание, что я, как горничная, не могу есть то, что с удовольствием едят аристократы, заставило не только проглотить без последствий всю дюжину, но и внушить себе мысль о приятности такой трапезы.

– Как же ты их ешь?

В моем голосе звучала насмешка. Я смогла победить даже собственное нутро!

Горничная удивилась:

– Нас никто не заставляет глотать устриц...

– А если тебя пригласят в ресторан?

– Кто?

Продолжать разговор не имело смысла. Он становился похожим на издевательство, но все равно происшествие доставило мне удовольствие. Я победила, почему-то показалось, что, одержав такую нелепую победу над собой, стала свободней. Словно вошла туда, куда ход до сих пор был закрыт, и теперь имела возможность уйти, если пожелаю. Маленькая победа на пути завоевания независимости.

Но устрицами Париж не ограничивался. Квартира Бальсана очень пригодились, потому что именно там начался мой бизнес.

Кажется, я нащупала свою колею, отличную от других тем, что главной в ней была работа. Работа тоже бывает разной, можно с утра до вечера трудиться в мастерской, выпол-

няя чей-то заказ, подчиняясь диктату капризной дамы с дурным вкусом или даже с хорошим, но вынужденным, в свою очередь, подчиняться общему. А можно творить свое, переделывая сам вкус.

Я всю жизнь, начиная с той маленькой квартирке Бальсана, переделываю вкус. Раньше творила только для себя и Адриенны, потом для подружек Бальсана, а потом стала для всего мира. И мир подчинился!

Выходит, не зря Бальсан вышвырнул меня из общей колеи на обочину?

Но с Бальсаном я только нащупала свое место, встать на ноги мне помог Бой Кейпел. Это главное, за что я благодарна Бальсану – с его помощью я встретила Боя.

Бой Кейпел

В том, что Пигмалион создал Галатею, заслуга не только Пигмалиона, но и самой Галатеи. Разве можно создать великолепную женщину без ее на то согласия?

До сих пор при этом имени у меня мороз по коже. Бой с первой минуты был именно такой любовью, а когда она стала терять яркость – ушел навсегда туда, откуда не возвращаются. Он ушел, чтобы наша любовь стала вечной.

Бой прав, так лучше. Хотя, когда это случилось, мир для меня перестал существовать.

Но сначала было столько лет счастья...

Артур Кейпел, прозванный друзьями Боем, вошел в мою жизнь сразу и навсегда.

Мы встретились в Испании во время очередной вылазки веселой компании лошадиников. Этот красавец сразил мое сердце наповал. Он великолепен: брюнет с зелеными глазами, прекрасными манерами, но при этом очень простой в общении, умный, сдержанный, отменный наездник... Я могла бы исписать восхищенными эпитетами несколько страниц.

Но так думала не одна я, Кейпела обожали все. Его одинаково хорошо принимали и в компаниях вроде нашей из Руайо, потому что он мог хохотать до упада и шалить, и в высшем свете, потому что лордам и министрам было о чем побеседовать с человеком, пусть и имеющим тайну происхождения, но столь разумным, что сумел в тридцать лет приумножить полученное в наследство состояние, а не потратить его. Артура Кейпела одинаково хорошо принимали и англичане, и французы, его обожали везде, где бы ни появлялся.

Его прозвали Боем, но это Кейпела не смущало ничуть.

Такого я еще не видела. Богатый красавец, умеющий не тратить, а зарабатывать, державшийся просто и уверенно... Принц прекрасно сидел на лошади, хотя она была не белой, а серой в яблоках.

Разве я могла устоять?

Удивительно, но первое, что я поняла: Бой воспринимает меня не как простую содержанку Бальсана, он видит во мне меня.

Кейпел мгновенно стал своим в нашей компании и частым гостем в Руайо. Ни для кого не секрет, ради чьих глаз он приезжал. Я сгорала от одного его взгляда, таяла, как мороженое на сковородке и одновременно становилась... страшно колючей и цепкой.

Как это объяснить... Я была воском, из которого Бой мог лепить все, что ему вздумается, и была страшно прилипчивой, словно американская жевательная резинка. Знаете, есть такая гадость, которую жуют, жуют, а потом выбрасывают или прилепляют к чему угодно. Она прилипает и оторвать очень трудно, а иногда невозможно, если попадет, например, на ткань или в волосы. В Америке даже в туалетах объявления: «Жевательную резинку к раковинам не прилеплять!». Это культура поведения.

Но мне не до культуры, я прилепилась к Бою крепче жевательной резинки к волосам. Оторвать можно, только выстригая прядь. Мое счастье, что он не отказывался, Кейпел тоже влюбился. Над нами посмеивались, но вполне добродушно.

Я до сих пор считаю, что именно Кейпел, вернее, его ко мне внимание заставило Бальсана посмотреть на меня не как на забавную игрушку, которая «смотрите, еще и разговаривает!», заметив, наконец, интересного человека.

Иногда я задумывалась, почему столько лет чувствовала себя маленькой девочкой, даже став уже довольно взрослой. У меня нормальный рост – метр шестьдесят пять санти-

метров, а худая не только я. При этом на фотографиях вовсе не детский вид, так что дело не во внешности.

Просто в Обазине я была сироткой, а сиротка значит маленькая и несчастная. В Мулене «малышкой Коко», несмотря на то что совершеннолетняя. Для Бальсана и нашей компании тоже «забавная крошка Коко». Но и для Боя в Париже я первые годы была малышкой, которую нужно опекать, воспитывать, учить жизни, о которой нужно заботиться.

Знаете, каково это – после стольких лет сиротства, которое отчаянно не признаешь, вдруг обнаружить, что молодой красавец, в которого влюблена, готов играть еще и роль отца, старшего брата, воспитателя! Я купалась в волнах этой заботы и обожания, готова была стать такой, какой ему вздумается – хорошей, плохой, даже полной дурой, только бы Кейпел смотрел на меня своими зелеными глазами и улыбался белоснежной улыбкой, только бы, просыпаясь утром, чувствовать его присутствие рядом.

Если бы Бой бросил меня тогда, только поманив новой жизнью, я бы умерла от отчаянья. Но он бросил позже, когда я уже могла выдержать любой удар, когда стала Коко Шанель, а не просто «малышкой Коко».

Он очень много сделал для меня, и главное, не деньги, вложенные в открытие дела, я их сполна вернула, Кейпел сделал из меня меня! Сама я бы не справилась. Он учил, внушал, подталкивал, поддерживал...

В кинозале было темно, а потому я ничегошеньки не увидела. И приглядеться удалось не сразу. У меня всегда так, с глазами проблема.

– Почему ты щуришься?

– Подожди чуть-чуть, сейчас глаза перестанут ссориться между собой.

– Что делают твои глаза?!

– Бой, мне нужно привыкнуть, мои глаза не сразу начинают видеть хорошо.

– А как же ты работала иглой?!

– Наверное, поэтому они и устали.

На нас уже стали шикать зрители в кинотеатре, куда мы зашли посмотреть новинку. Обидно, но я действительно ни черта не видела, приходилось подолгу прищуриваться, чтобы собрать все в кучку. До Боя на это никто не обращал внимания.

А Кейпел на следующий же день повел меня за руку к своему окулисту. Тот был в ужасе:

– Как же вы живете, мадемуазель?! Очки и только очки!

Очки... это так ужасно... Но я сама понимала, что еще чуть и останусь совсем слепой. Главным потрясением оказалась не сама необходимость надеть очки, а то, что я после этого увидела.

– Бой, я не буду их носить!

– Почему?

Наверное, он подумал, что слышит просто каприз строптивой Коко, однако я разревелась.

– В чем дело? Тебе идут очки, поверь. Твое лицо ничем не испортишь. Так даже оригинальней.

– Да я не поэтому.

– Тогда что?

– Люди уродливы, Бой. Они такие некрасивые, без очков я этого не видела.

Секунду он смотрел на меня, замерев, а потом расхохотался. Кейпел смеялся так, что не выдержала я сама.

– И я тоже урод?

Вообще-то, я вгляделась в лицо любовника с затаенным страхом, вдруг это правда? Но Бой был красив, что в очках, что без.

– Ты нет.

– Слава богу! Значит, их все же можно носить.

Я все равно не любила очки, и носить постоянно стала только в... тьфу ты, чуть не написала «старости», нет, просто позже...

Было их у меня великое множество, даже карманы на своих костюмах я придумала под очки, не одна же я такая слепуха, многие женщины страдают плохим зрением, куда девать очки, не держать же все время в руках. Маленькие кармашки для этого очень удобны.

И в сумочках, сделанных позже по моим задумкам, тоже всегда были кармашки для очков, ключей и помады.

Бальсан сначала терпел нашу с Боем близость, а потом решил поговорить со мной откровенно. Был ли он в меня влюблен? Не думаю, но потерять явно не хотел. Так бывает, когда человек рядом, он вроде и не очень нужен, а когда уходит, вдруг понимаешь, что без него пусто. Это не любовь, не совсем любовь. Бальсан никогда не стал бы поддерживать меня, как Кейпел, и бороться со мной за меня тоже не стал бы. Хотя я ему очень благодарна за поддержку, без нее сгнила бы в Мулене.

– Габриэль, он не женится на тебе.

– А ты?

– Хочешь за меня замуж? Выходи.

– Нет, Этьен, не хочу.

– Кейпел на тебе не женится. Ему нужна жена с именем и положением.

– Посмотрим.

– Это из-за того, что он дал денег на магазин? Мужчина должен обеспечивать женщину деньгами на жизнь, а не на работу.

– Не поэтому, Бальсан. Я его люблю.

Не помню, действительно ли я сказала Этьену, что люблю Боя, но даже если и не сказала, все видно без слов. Важно, что он впервые за много месяцев назвал меня не Коко, а Габриэль и пытался отбить меня у другого, но теперь мне это оказалось не нужным.

– Ты всегда можешь вернуться в Руайо...

Я не вернулась в Руайо, даже когда Боя не стало, не вернулась. Я уже была сама собой, словно вылупившись из скорлупы, но с Бальсаном осталась в хороших отношениях. Он со злости уехал в Аргентину, только жить там не смог, а когда вернулся, привез мне лимоны в мешочках. Это было смешно, потому что лимоны не выдержали долгого пути и испортились. Однако видеть заботу со стороны Бальсана, тем более такую неуклюжую, очень трогательно.

Во время первой войны Руайо заняли немцы, и завод Бальсана перестал существовать. Жаль, там были такие прекрасные пастбища...

Но я уже жила другой жизнью. Переманив к себе на работу опытную шляпную модистку Люсьен, я принялась переодевать головы парижских модниц. Бедная Люсьен! Она первой испытала на себе нрав мадемуазель Шанель. Мы ссорились по любому поводу, нет, не из-за моделей, как раз их Люсьен воспринимала прекрасно. Ссорились из-за клиенток.

Мне казалось, что, создавая оригинальные шляпки и одежду, я совершенно не обязана еще и порхать вокруг заказчиц. Какого черта! Почему нужно учитывать их между собой дружбу и ненависть?! Какое мне дело до того, что супругу и любовницу какого-нибудь барона или герцога нельзя одновременно привечать в ателье? Пусть сами разбираются со своими отношениями.

Я не желала заглядывать в глаза клиенткам, полагая, что вполне достаточно просто работы, Люсьена заламывала в отчаянье руки:

– Мадемуазель, вы испортите отношения со всеми, кто приносит вам деньги.

– Тогда носитесь с вашими клиентками сами! Я не буду выходить на примерки!

Я действительно долго пряталась, уже став достаточно известной, предпочитала отправлять в салон помощниц.

Закончилось все тем, что Люсьен хлопнула дверью. Вернуть ее смог только Кейпел (разве можно отказать такому мужчине!). Мы помирились, но, думаю, ей было очень тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.